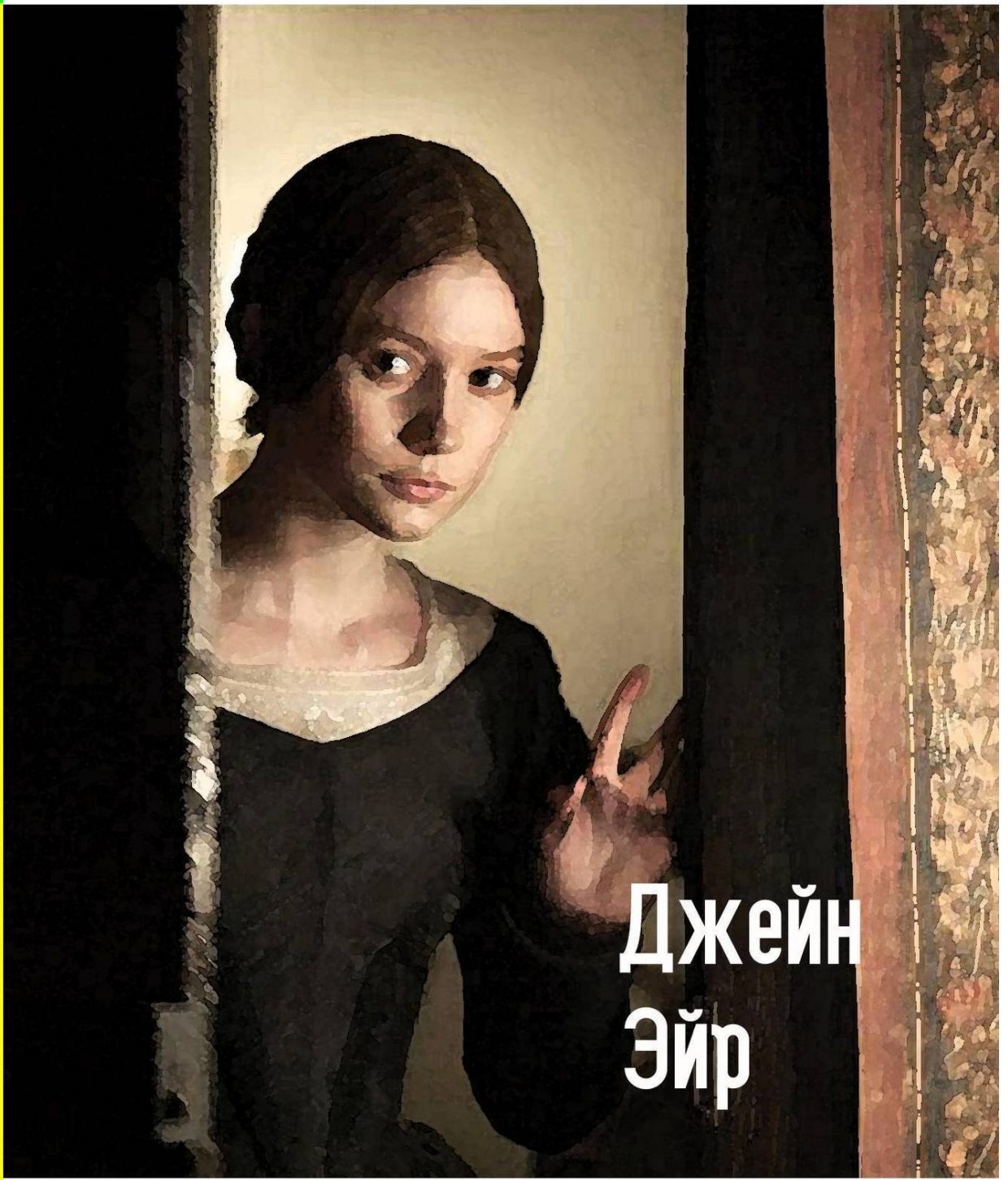

21 век. Библиотека школьника

Ш. Бронте

Джейн
Эйр

21 век. Библиотека школьника

Шарлотта Бронте
Джейн Эйр
(адаптированный пересказ)

«Автор»

2015

УДК 821.111(410)

ББК 84(4Вел)

Бронте Ш.

Джейн Эйр (адаптированный пересказ) / Ш. Бронте — «Автор»,
2015 — (21 век. Библиотека школьника)

ISBN 978-5-4458-8641-9

Серия мировой классики рассчитана на учащихся средних учебных заведений. Текст адаптирован под восприятие подростковой аудитории, особое внимание уделено динамичности повествования, скорости подачи информации, обучающим и воспитательным моментам. В книгу вошел самый известный роман классика английской литературы Шарлотты Бронте «Джейн Эйр».

УДК 821.111(410)

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-4458-8641-9

© Бронте Ш., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Глава I	6
Глава II	8
Глава III	10
Глава IV	13
Глава V	16
Глава VI	19
Глава VII	21
Глава VIII	23
Глава IX	25
Глава X	28
Глава XI	32
Глава XII	37
Глава XIII	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ш. Бронте

Джейн Эйр

© Родин И. О., текст, 2015

© Родин И. О., дизайн и название серии, 2014

Глава I

В этот зимний день о послеобеденной прогулке нечего было и думать. Во-первых, было холодно, а во-вторых, ветер нагнал черные тучи и полил промозглый дождь.

Элиза, Джон и Джорджиана Рид, перед которыми, надо сказать, я всегда была физически беспомощной, в данный момент не ссорились и не ревели, сидели в гостиной перед камином возле своей мамы, дамы средних лет.

Мне же миссис Рид сказала, чтобы я села подальше от них. Она заявила, что вынуждена отделить меня от своих детей, пока Бесси, наша няня, не сообщит ей или она сама не убедится, что я стараюсь быть приветливой и ласковой девочкой, а пока она должна лишить меня всех радостей, которыми награждают скромных, послушных и воспитанных деток.

Я спряталась в небольшой столовой рядом с гостиной, где обычно завтракали. Там стоял книжный шкаф. Выбрав себе книжку с картинками, я взобралась на широкий подоконник, уселась поудобнее, задернула почти вплотную занавесы и оказалась отгороженной с двух сторон от всего мира.

И вот, сидя с книгой на коленях, я была по-своему счастлива и боялась только, чтобы мне не помешали. К со жалению, мое уединение вскоре прервали.

Дверь в маленькую столовую открылась.

– Эй, ты, плакса! – крикнул Джон Рид. Затем он замолчал: видимо, решил, что в комнате никого нет.

– Куда к чертям она подевалась? – продолжил он. – Лиззи! Джорджи! – позвал он сестер. – Джоаны здесь нет. Скажите мамочке, что она выбежала из дома под дождь... Какая дрянь!

Однако Элиза, только просунув голову в дверь, сразу же сказала:

– Она точно на подоконнике, Джон.

Я тут же соскочила с подоконника, потому что испугалась, что Джон сам меня оттуда стащит.

– Что тебе нужно? – спросила я.

– Скажи: «Что вам угодно, мистер Рид?» – поправил он. – Мне угодно, чтобы ты подошла ко мне, – сказал он, усевшись в кресло.

Джон Рид был на четыре года старше меня, ему исполнилось четырнадцать, мне – десять. Это был очень рослый для своих лет подросток с прыща вой кожей и желтым цветом лица как у его матери.

Джон не был привязан ни к матери, ни к сестрам, меня же он просто ненавидел. Он постоянно запугивал и мучил меня. Я дрожала как осиновый лист, когда он подходил: ведь за меня никто не заступался. Слуги не хотели сердить молодого господина, вставая на мою защиту, а миссис Рид делала вид, что ничего не замечает.

Привыкшая подчиняться Джону, я сразу же подошла к креслу. Несколько минут он развлекался тем, что показывал мне язык. Я была уверена, что он меня сейчас ударит, и думала о том, какой он мерзкий. Наверное, Джон понял, о чём я думаю, потому что вдруг, не говоря ни слова, размахнулся и очень больно ударил меня. Я пошатнулась, но на ногах устояла, отступив шага на два от него.

– Вот тебе за то, что ты нагубила маме, – сказал он, – и за то, что спряталась за шторы, и за то, что так на меня смотрела сейчас, ты, мышь серая!

Я привыкла к грубости Джона Рида, и мне в голову не приходило ему сопротивляться; я думала только о том, как бы устоять на ногах от второго удара, который обязательно должен был последовать за первым.

– Что ты делала за шторой? – спросил он.

– Я читала.

– Покажи книжку.

Я взяла с окна книгу и отдала ему.

– Не смей брать наши книги! Мама говорит, что ты живешь у нас из жалости; ты нищенка, твой отец тебе ничего не оставил; тебе надо милостыню просить, а не жить с нами, детьми Джейнтльмена, есть то, что мы едим, и носить одежду, за которую платит наша мама. Я сейчас покажу тебе, как рыться в книгах. Это мои книги! Я здесь хозяин! Или буду им скоро! Иди и встань у дверей, подальше от окон и зеркала.

Я послушно выполнила его приказание, не догадываясь о его намерениях. Когда же увидела, что он встал и замахнулся на меня книгой, я испуганно вскрикнула и отскочила в сторону, однако, не так быстро: толстая книга задела меня на лету, я упала и, ударившись о косяк двери, ушибла голову. Из раны потекла кровь, я почувствовала острую боль, и тут страх внезапно пропал, дав волю другим чувствам.

– Гадкий, злой мальчишка! – крикнула я. – Ты похож на убийцу, на надсмотрщика над рабами, ты хуже римского императора!

– Что?! Что ты сказала?! – закричал он. – Кого ты так обзываешь?... Вы слышали, девочки? Я всё маме расскажу! Но сначала...

Джон кинулся ко мне и схватил меня за плечо и за волосы. Однако перед ним было доведенное до крайности существо. Для меня он действительно был деспотом. По моей шее текла кровь, мне было очень больно, но это уже было неважно, – передо мной был враг. Страх исчез. Я не совсем понимала, что делают мои руки, но Джон вдруг крикнул:

– Дрянь! Дрянь! – и завопил. Помощь быстро подоспела. Элиза и Джорджиана побежали за миссис Рид, которая ушла наверх; она вернулась вместе с Бесси и горничной Эббот. Нас разняли, и я услышала слова:

– Ай-ай! Вот паршивка, как она набросилась на мистера Джона!

– Какая злоба у девочки!

– Уведите ее в красную комнату и запирайте там, – грозно приказала мисс Рид.

Меня подхватили в четыре руки и потащили наверх.

Глава II

Я сопротивлялась изо всех сил, что еще больше разозлило Бесси и мисс Эббот. Я понимала, что мое поведение уже навлекло на меня кучу бед, и в отчаянии была готова на все.

– Держите ее за руки, мисс Эббот, она точно с цепи сорвалась...

– Какой стыд! Какой позор! – кричала гувернантка. – Разве можно так вести себя, мисс Эйр? Бить молодого барина, сына вашей благодетельницы! Ведь это же ваш молодой хозяин!

– Хозяин? Почему это он мой хозяин? Разве я служанка?

– Нет, вы хуже служанки, вы в доме ничего не делаете, вы приживалка! Вот посидите здесь и подумайте хорошенько над своим поведением.

Говоря это, они втащили меня в красную комнату и бросили на софу. Я тут же попыталась встать, но две пары рук пригвоздили меня к месту.

– С ней никогда еще такого не было, – сказала наконец Бесси, удивленно глядя на меня.

– Ну, в тихом омуте черти водятся. Сколько раз я говорила миссис Рид, что сомневаюсь в этом ребенке, и миссис всегда соглашалась со мной. Нет ничего хуже такой тихони! Я никогда не видела, чтобы ребенок в ее возрасте был настолько замкнутым.

Бесси не ответила; но немного погодя сказала мне:

– Вы должны понимать, мисс, что вы в долгу перед миссис Рид: она же кормит вас; если она вас выгонит, то вам прямая дорога в работный дом.

Я не знала, что ей ответить. Я всегда зависела от кого-то, меня постоянно попрекали куском хлеба. Это было трудно и порой невыносимо, но я не до конца осознавала своё положение. Мисс Эббот поспешно добавила:

– И не воображайте, что вы родственница мистеру Риду и его детям, если даже миссис Рид так добра, что держит вас в своем доме. Её дети будут богаты, а у вас никогда ничего не будет. Поэтому вы должны покориться и быть любезной с ними.

– Мы ведь говорим все это ради вашей же пользы, – добавила Бесси уже мягче. – Постарайтесь не быть дерзкой.

Они ушли, меня же заперли на ключ.

В красной комнате стоял страшный холод, потому что ее почти не топили: сюда редко кто заглядывал. Иногда в эту комнату заходила миссис Рид, чтобы проверить содержимое какого-то секретного ящика в шкафу, где хранился фамильный архив, шкатулка с драгоценностями и портрет умершего мужа.

С тех пор, как умер мистер Рид, прошло девять лет; именно в этой комнате он умер; здесь он лежал мертвый; отсюда вынесли его гроб, – и с того дня комната стала нежилой. Вот в эту самую комнату меня и заперли.

Мне было страшно, но страх еще не победил меня окончательно. Кровь во мне еще кипела, и негодование поддерживало мою храбрость. Почему прощают все проступки эгоистичной Элизе, капризной Джорджиане и жестокосердному Джону? Наверное, потому что мои кухни красивые, а Джон, чтобы он ни сделал, всё равно остается для мисс Рид ее «дорогим сыночком». Мне же не прощают ничего. Я стараюсь во всем, а меня называют не послушной, упрямой вруньей, и так каждый день.

Я чувствовала себя такой несчастной! Я не понимала: за что меня так мучают? Теперь, когда прошло столько лет, у меня есть ответ на этот вопрос. Я совершенно не подходила к Гейтсхэдхоллу. Я была среди них как белая ворона, у меня не было ничего общего ни с миссис Рид, ни с ее детьми. Да, они не любили меня, но ведь и я не любила их. Почему же они должны были относиться тепло к ребенку, который не принимал их взглядов на жизнь, их порядков, который ни в чём не походил на них, который смел протестовать против унижений и плохого к себе отношения? Если бы я была веселой глупой куклой – пусть даже зависимой сиротой, –

миссис Рид отнеслась бы ко мне гораздо добрее; ее дети дружили бы со мной; слуги тоже не делали бы из меня девочку для битья.

Я была уверена, что если бы мистер Рид – брат моей матери – был жив, он относился бы ко мне хорошо. Меня душили слезы. А вдруг призрак мистера Рида захочет прийти сюда и утешить меня?

И тут какой-то слабый свет появился на стене. Может быть, лунный луч или свет фонаря? Мое сердце нервно забилося. Меня охватил ужас. Я бросилась к двери и стала дергать ручку. Затем услышала поспешные шаги по коридору, ключ в замке повернулся, в комнату вошли Бесси и Эббот.

– Мисс Эйр, вам плохо? Вы больны? – спросила Бесси.

– Что за шум! Я ужасно испугалась! – воскликнула Эббот.

– Выпустите меня отсюда! Я хочу в детскую! – закричала я.

– Что тут происходит? – властно спросила мисс Рид, привлеченная криками. – Эббот, Бесси! Я, кажется, приказала оставить Джейн Эйр в красной комнате, пока сама не выпущу её!

– Мисс Джейн так громко кричала, сударыня, – виновато сказала Бесси.

– Оставьте ее, – был единственный ответ. – Отпусти руки, мерзкая девчонка! Криком ты ничего не добьешься, можешь быть уверена. Теперь ты останешься здесь еще на лишний час, да и то выпущу я тебя только при условии полного послушания с твоей стороны.

– О, тетя! Пожалейте меня! Простите! Я не выдержу этого... Накажите меня как-нибудь по-другому! Я умру, если...

– Замолчи! Ты просто отвратительна!

В её глазах я действительно была отвратительной. Она считала меня опытной артисткой, искренне веря, что я только и умею, что притворяться и лгать.

Бесси и Эббот ушли, а миссис Рид грубо втолкнула меня обратно в красную комнату и молча заперла на ключ дверь моей тюрьмы.

Со мной, видимо, случился припадок, и я потеряла сознание.

Глава III

Помню одно: очнулась я, как после страшного сновидения. Я слышала голоса, которые едва доносились до меня; волнение и абсолютный страх заглушили все мои чувства.

Еще несколько минут – и я пришла в себя. Теперь я прекрасно понимала, где нахожусь: в детской, в своей собственной кровати. Была ночь, на столе горела свеча, Бесси стояла в ногах кровати, а надо мной склонился какой-то господин.

Мне сразу же стало легче. Я почувствовала себя в безопасности, потому что в комнате был посторонний человек, у которого не было причин меня ненавидеть. Я знала его, это был мистер Ллойд, аптекарь, которого миссис Рид вызывала, когда болели слуги. Для себя и своих детей она приглашала врача.

– Ну-ка, кто я? – спросил он.

Я ответила и протянула ему руку. Он взял ее, улыбнулся и сказал:

– Ну, теперь мы пойдем на поправку.

Затем он сказал Бесси, чтобы меня ночью ни кто не беспокоил. Дав ей еще несколько указаний, предупредил, что завтра опять зайдет, и ушел. Мне с ним было так спокойно, что, когда за ним закрылась дверь, я снова почувствовала себя незащищенной, да и комната словно потемнела.

– Может, вы теперь заснете, мисс? – ласково спросила Бесси.

Я не знала, что ответить, боясь грубости с её стороны.

– Попытаюсь.

Бесси ушла в комнату для горничных, расположенную рядом с детской. И я услышала, как она сказала:

– Сара, ложись со мной в детской, а то я боюсь, что эта бедная девочка умрет. Странно, что с ней случился этот припадок... Интересно, что она чувствовала? Все-таки миссис Рид была на этот раз чересчур сурова.

Они еще с полчаса перешептывались, пока не уснули.

Я же так и не смогла заснуть до утра.

После этого случая моя нервная система расшаталась настолько, что следы пережитого потрясения сохранились до сих пор. Да, миссис Рид, вы приложили немало усилий, мучая меня! Но я вас прощаю!

На следующий день, ближе к полудню, я встала, оделась, укуталась в теплый платок и села возле камина, чувствуя страшную слабость. Я тихо плакала, мое сердце разрывалось от тоски, хотя, наверное, я должна была бы радоваться, – никого из Ридов дома не было, Эббот не показывалась, и только Бесси ходила туда-сюда, прибираясь в комнате, да изредка необычно ласково обращалась ко мне. Однако ни тишина, ни приятные слова Бесси, ни сладкий пирожок, к которому я так и не притронулась, не смогли успокоить меня.

В то утро опять зашел мистер Ллойд.

– Уже проснулась? – воскликнул лекарь, входя в детскую. – Ну, Бесси, как девочка себя чувствует?

Бесси ответила, что превосходно.

– Тогда ей надо быть повеселее. Подойдите ко мне, мисс Джейн. Вас ведь зовут Джейн? Правильно?

– Да, сэр, Джейн Эйр.

– Я вижу, что вы плакали, мисс Джейн Эйр. Не скажете – почему? Вам нездоровится?

– Нет, сэр.

– Она, наверное, плакала потому, что не могла поехать кататься с миссис Рид, – ответила за меня Бесси.

– Ну да! Она слишком большая для таких глупостей.

Я была с ним согласна, и так как это незаслуженное обвинение задело мою гордость, живо ответила:

– Я за всю мою жизнь ни разу еще не плакала о таких пустяках. Я вообще не люблю кататься! А плачу потому, что чувствую себя несчастной.

Добрый аптекарь был, видимо, удивлен моим признанием. Он внимательно разглядывал меня своими ласковыми пронизательными серыми глазами, затем сказал:

– Что с тобой вчера случилось?

– Она упала, – снова за меня ответила Бесси.

– Упала! Ну вот, опять как маленькая! Разве такие большие девочки падают? Тебе, видимо, лет восемь или девять?

– Десять. Меня нарочно сбили с ног, – резко сказала я, снова поддавшись чувству обиды, – но мне не поэтому стало плохо.

Мистер Ллойд задумался и потянулся в карман пиджака за табаком. В это время зазвонил колокол, – слуг сзывали на обед, но аптекарь не знал о значении этого звона.

– Вас зовут, – сказал он Бесси, – можете идти вниз. А мне, пока вы вернетесь, надо поговорить с мисс Джейн.

Бесси пришлось уйти.

– Значит, твоя болезнь не связана с падением? Так что же случилось? – спросил мистер Ллойд, когда няня ушла.

– Меня заперли в комнате, где живет привидение, а там было уже темно.

Мистер Ллойд, улыбнувшись, нахмурился.

– Что? Привидение? Да, ты еще совсем ребенок! Ты боишься привидений?

– Да, я боюсь привидения мистера Рида. Он умер в той комнате и там лежал... Никто не заходит в ту комнату, и это было жестоко – закрыть меня на ночь в ней, в темноте! Я этого никогда не забуду.

– Ерунда! Может быть, ты и днем боишься?

– Нет, но ведь скоро опять наступит ночь. А потом есть другие причины, из-за которых мне так горько, так горько здесь.

– Какие же?

– Во-первых, я сирота, у меня даже нет братьев и сестер.

– Но у тебя есть хорошая тетя, кузен и кузины.

Последовало невольное молчание, затем я уже совсем по-детски выкрикнула:

– Да ведь это Джон Рид сбил меня с ног, а тетя приказала запереть меня в красной комнате!

Мистер Ллойд опять потянулся за табакеркой.

– Разве тебе плохо в Гейтсхэдхолле? – спросил он. – Разве ты не рада, что живешь в таком большом доме?

– Это не мой родной дом, сэр, а Эббот говорит, что я хуже прислуги в нем.

– Эх ты, глупышка! Неужели ты хочешь уехать из этого прекрасного дома? А у тебя нет других родственников, кроме миссис Рид? Со стороны отца, к примеру?

– Не знаю. Я как-то спросила тетю Рид, так она ответила, что у меня, возможно, кто-то и есть, но все они наверняка бедные люди. Тетя Рид говорит, что мои родственники могут быть только попрошайками.

– А ты не хочешь поступить в школу?

Я снова задумалась. Бесси рассказывала, что в школе, хоть там и строгие порядки, учат рисовать, вязать, играть на фортепиано, читать по-французски. Кроме того, школа – это дорога, это конец страданиям, это новая жизнь. Всё, решено.

– Я бы хотела поехать в школу.

– Ну-ну, кто знает, что нас ждет, – сказал аптекарь, вставая. – Девочку надо увезти отсюда, – добавил он, уже обращаясь к самому себе, – нервы у неё порядком расшатаны.

Вернулась Бесси, и в ту же минуту мы услышали шум подъезжающего экипажа.

– Ваша госпожа подъехала? – спросил мистер Ллойд Бесси. – Мне необходимо переговорить с ней.

Видимо, аптекарь всё-таки посоветовал мисс Рид отправить меня в школу, потому что в один из ближайших вечеров я случайно подслушала разговор Бесси и Эббот, говоривших об этом. Они решили, что я уже сплю и ничего не слышу.

– Миссис Рид, наверное, себя не помнит от радости, что появилась возможность избавиться от этой гнусной Джейн, – сказала Эббот. – И правда, у девочки вечно такой вид, точно она замышляет что-то подлое.

– Её можно и пожалеть, – вздохнув, возразила Бесси. – Она ведь сирота...

Из их последующего разговора я впервые узнала, что мой отец был бедным пастором; что мать моя вышла за него против воли родителей, поэтому они лишили её наследства, и что всего через год после свадьбы мои родители умерли от тифа.

Глава IV

У меня появилась надежда, что жизнь моя скоро изменится, поэтому я пошла на поправку.

Однако дело со школой затянулось. Никто больше не заговаривал о моей отправке туда, а мое положение в доме между тем только ухудшилось. Миссис Рид совершенно отделила меня от своей семьи. Я жила теперь в маленькой комнатухе, туда же мне приносили еду. Со мной мало разговаривали, а миссис Рид смотрела на меня с отвращением.

Миновали ноябрь, декабрь, а также половина января.

Это случилось пятнадцатого января, около девяти часов утра. Из окна своей комнаты я увидела, как к дому подъехал экипаж. Меня это мало заинтересовало, потому что ко мне никто никогда не приезжал. Но на этот раз я ошиблась. Через некоторое время в комнату влетела Бесси, умыла мне лицо и руки и сказала, чтобы я немедленно спустилась в столовую, где меня уже ждут.

Миссис Рид сидела как обычно у камина. Она сделала мне знак подойти ближе, и представила меня какому-то незнакомцу:

– Вот девочка, о которой я вам говорила.

Мужчина медленно повернулся и вонзил в меня свои серые колючие глаза. После чего заговорил басом:

– Она небольшого роста, сколько же ей лет?

– Десять.

– Уже? – после небольшой паузы спросил он. – Как тебя зовут, девочка?

– Джейн Эйр, сэр.

Прошептав эти слова, я внимательнее посмотрела на незнакомца: черты лица у него были крупные, суровые и резкие.

– Ну, Джейн Эйр, ты хорошая девочка?

Я молчала, тогда вмешалась миссис Рид:

– Лучше об этом не спрашивайте, мистер Брокльхерст.

– Что ж, очень жаль. В таком случае нам с ней придется побеседовать. – Он сел в кресло напротив миссис Рид.

– Подойди сюда, – сказал он.

Я послушно подошла к нему, и мистер Брокльхерст поставил меня прямо перед собой. У меня появилась возможность разглядеть его еще лучше: огромный нос, жесткий рот, торчащие вперед зубы... Мне захотелось бежать, куда глаза глядят.

– Непослушание – это грех! Ты знаешь, куда пойдут грешники после смерти?

– Да, они пойдут в ад, – последовал мой давно заученный ответ.

– А ты разве хочешь попасть в ад?

– Нет, сэр.

– А что ты должна делать, чтобы избежать этого?

Я не сразу ответила.

– Постараюсь не заболеть и не умереть.

– Как можно стараться не умереть? Даже дети младше тебя умирают! Я полагаю, что у тебя злое сердце, и ты должна молить Бога, чтобы он изменил тебя.

Я собралась было спросить, каким образом Бог проделает это, но тут вмешалась тётя:

– Позвольте, мистер Брокльхерст, мне кажется, я вам писала, что эта девочка склонна к притворству и лжи. Я бы хотела попросить вас и наставниц Ловудской школы относиться к ней как можно строже для её же блага.

Не зря я ненавидела миссис Рид! Ей хотелось отравить моё существование и в новой жизни, настраивая против меня мистера Брокльхерста. И ей это удалось.

– Притворство – самая плохая черта характера ребенка, – согласился мистер Брокльхерст. – Можете не сомневаться, миссис Рид, за ней установят надлежащий надзор. Я поговорю на этот счёт с мисс Темпл и наставницами.

– Я бы хотела, чтобы её воспитывали в соответствии с её будущим положением в обществе, – продолжала моя благодетельница. – Её необходимо научить смирению. Что же касается каникул, то проводить она их будет, с вашего позволения, также в Ловуде.

– Конечно, сударыня! Я уверен, что она будет благодарна за то воспитание, которое получает у нас.

– Итак, я в ближайшее же время пришло её к вам, мистер Брокльхерст. Ответственность, которую я на себя возложила, забота о ней, оказалась для меня слишком обременительной.

– Конечно, конечно, сударыня! Дело в том, что меня пригласил к себе погостить на пару недель один из моих друзей, но я извещу мисс Темпл, чтобы она ожидала новую девочку, так что с приемом не будет никаких проблем. Тебе же, девочка, я оставляю книжку «Спутник ребенка». Обрати внимание на рассказ об ужасной и внезапной смерти Марты, плохой девочки, которая постоянно лгала.

Через несколько минут подали экипаж, и мистер Брокльхерст уехал. Миссис Рид и я остались одни. Несколько минут прошло в молчании: она шила, а я рассматривала её. Миссис Рид, думаю, было около тридцати шести лет. Это была полная, крепкого телосложения женщина с массивными чертами лица, глаза которой отнюдь не светились добротой. Она была педантичной и мелочной хозяйкой, от которой частенько доставалось арендаторам и слугам, и только своим детям она позволяла любые вольности.

Итак, сидя от неё в нескольких шагах, я держала в руках книжицу о внезапной смерти лгуньи Марии. Во мне всё кипело. В конце концов я не выдержала, – огульные обвинения во лжи в присутствии постороннего человека показались мне болезненно оскорбительными. Я не могла промолчать:

– Я не лгунья! – крикнула я миссис Рид. – Будь я лгуньей, я бы сказала, что люблю вас, но я говорю вам, что не только не люблю, но даже ненавижу вас больше всех на свете, даже больше, чем вашего сына! А эту книгу о лгунье можете отдать своей дочке Джорджиане, это она врёт, а не я!

– Тебе больше нечего сказать? – холодно спросила тетя, как говорят со взрослыми, а не с детьми.

– Я рада, что вы мне не родная тетя! – продолжала я. – Больше никогда я не назову вас тетей. Если меня когда-нибудь спросят, как вы со мной обращались, я расскажу всю правду. Вы жестокая и злая женщина.

– Как ты смеешь это говорить, Джейн Эйр?

– Как я смею, миссис Рид? Как смею? Да ведь это правда. Вы думаете, у меня нет чувств, мне не нужна любовь?! До самой смерти я не забуду, как вы закрыли меня в красной комнате, несмотря на то, что я вас умоляла этого не делать. Все думают, что вы добрая женщина, но я расскажу в школе, какая вы на самом деле! Это вы лгунья! Вы злая!

Мисс Рид, не ожидавшая от меня такого напора, начала оправдываться.

– Ты не права, Джейн! Что с тобой? Тебе плохо? Хочешь воды?

– Нет, миссис Рид.

– Уверю тебя, я хочу быть твоим другом.

– Нет, это ложь.

– Ты вспыльчива, Джейн, согласись! А теперь, будь моей хорошей девочкой, иди к себе в комнату и отдохни...

– Я не ваша хорошая девочка, я не хочу отдыхать. Отправьте меня в школу как можно скорее, миссис Рид, я не хочу здесь больше оставаться.

– Да, надо тебя действительно поскорее отправить в школу, – сказала, миссис Рид и поспешно вышла из комнаты.

Враг отступил. Это была моя первая победа. Несколько минут я стояла, испытывая необычайный душевный подъем. Однако скоро он исчез. Мне опять стало грустно, я вновь почувствовала себя несчастной, – как тяжело ненавидеть и быть ненавидимой! Дети не должны воевать со взрослыми.

Глава V

В это раннее утро, девятнадцатого января, меня провожала только Бесси, которая собрала мне в дорогу кое-что из еды. Накануне вечером миссис Рид предупредила меня, чтобы я не будила утром для ненужных прощаний ни её, ни детей. К воротам усадьбы подъехал дилижанс, меня усадили, и настал долгожданный момент прощания с Гейтсхэдом и с семейством Ридов.

– Присмотрите за ней! – крикнула Бесси кондуктору, когда он усаживал меня в дилижанс.
– Хорошо, хорошо! – ответил тот, захлопывая дверь. Трогай! – и мы поехали вперед.

Дорога была неблизкой, но я мало что помню – настолько мучительно было для меня это путешествие. Наконец после пятидесяти миль непрерывной тряски дилижанс остановился, дверь открылась, и женский голос спросил:

– Есть здесь девочка по имени Джейн Эйр?

Я ответила «да», и меня высадили из дилижанса.

Было темно, шёл дождь, однако я различила какую-то стену и открытую в ней дверь. Мы зашли туда с моей спутницей. Затем показались несколько домов, в один из которых меня провели, после чего оставили в комнате, где ярко пылал камин.

Комната оказалась приемной. Пока я разглядывала помещение, вошли две женщины. Одна из них была стройной брюнеткой с высоким бледным лбом. Дама куталась в большой платок и держалась довольно строго.

– Вероятно, это было трудное путешествие для такой маленькой девочки, – сказала она. – Её надо скорее уложить в постель. Ты устала?

– Да, сударыня.

– Проголодалась? Дайте ей поужинать перед сном. Ты впервые оказалась вдали от своих родителей, деточка?

Я рассказала ей, что мои родители давно умерли. Она поинтересовалась, сколько мне лет, как меня зовут, умею ли я читать и писать. Затем, ласково потрепала меня по щеке и сказала, что надеется – я буду хорошей девочкой, и перепоручила меня мисс Миллер, второй даме, оказавшейся помощницей учительницы.

Мисс Миллер повела меня по длинным лабиринтам школы. В конце концов мы зашли в большую, освещенную свечами комнату. Здесь стояли два больших деревянных стола, за которыми сидели девочки разных возрастов, начиная с девяти-десяти и до двадцати лет. Их было около восьмидесяти, одинаково одетых в коричневые шерстяные платья старомодного покроя и длинные холщовые передники. Воспитанницы вслух заучивали уроки.

Мисс Миллер указала мое место и громко сказала:

– Старшие, соберите учебники, положите их на место и принесите ужин.

Четыре девушки в точности выполнили указание преподавателя.

Дорога и волнение совершенно лишили меня аппетита, к еде я не прикоснулась, да и нарезанная ломтями запеканка из овсяной крупы не вызвала у меня желания подкрепиться.

После ужина мисс Миллер прочла молитву, затем девочки парами поднялись наверх. Наша спальня, как и все другие помещения школы, была очень большой. В каждой кровати спало по две девочки. Меня уложила к себе в кровать мисс Миллер. Ночь прошла незаметно. Когда я снова открыла глаза, до меня донесся громкий звон колокола. Начался подъем.

Девочки вставали и одевались. Все умылись в одном тазу, затем спустились в холодную, плохо освещенную комнату.

– Стать по классам! – приказала после молитвы мисс Миллер.

В течение нескольких минут девочки разбились на четыре группы и расселились за четырьмя столами. Меня включили в младшую группу. Перед каждой воспитанницей лежала Библия. Через некоторое время в класс вошли три учительницы, и занятия начались.

Когда окончательно рассвело, зазвенел колокол, созывающий на завтрак, однако запахи из-за дверей столовой долетали совсем неаппетитные.

– Какая гадость! Овсянка опять пригорела! – прошептала одна из старших девочек.

– Прекратите разговоры! – крикнула маленькая несимпатичная женщина, старшая преподавательница, занимая своё почетное место в столовой. Среди учителей не было той, которая встречала меня накануне. Служанка принесла чай для преподавателей, и все принялись завтракать. В отличие от меня, голодной, никто из девочек так толком и не поел, потому что горелая овсянка по вкусу напоминает разве что гнилой картофель. Я выходила последней и видела, как одна из учительниц взяла миску с овсянкой и попробовала. Затем переглянулась с остальными. На лицах у всех отразилось негодование, а полная дама прошептала:

– Разве это можно есть!

Недоразумение уладила директрисса школы, мисс Темпл. Эта была та самая дама, с которой я познакомилась в приемной накануне вечером. Она была молода и красива, очень внимательна и доброжелательна. Мисс Темпл под удивленные взгляды учителей приказала раздать воспитанницам сыр с хлебом.

После того, как все подкрепились, последовало приказание идти в сад. Каждая ученица надела шляпку из грубой соломки с цветными коленкоровыми завязками и серый фризový плащ. Совершенно несуразный вид! Меня нарядили точно так же, и мы вышли на воздух.

Сад был обнесен высокой оградой.

Я оглянулась вокруг, и мне стало грустно. Может, летом в этом саду и было неплохо, но в этот зимний день, когда под ногами еще хлюпала вода после вчерашнего ливня, особо резвиться не хотелось. Меня привлекала девочка, читающая книжку. Я подошла.

– Интересная книжка?

– Мне нравится, – ответила она после небольшой паузы, рассматривая меня.

– А почему школа называется приютом? – неожиданно спросила я девочку. – Разве она отличается от других школ?

– Это вроде пристанища для бедных сирот: и ты, и я, и все остальные девочки живут здесь из милости. Ты ведь тоже сирота?

– Да, сирота. А разве мы не платим денег? Разве нас держат даром? – За нас платят пятнадцать фунтов в год наши друзья или родственники.

– Почему же тогда – «из милости»?

– Потому что пятнадцать фунтов – это очень мало за обучение и содержание, остальную сумму собирают по подписке у разных добрых леди и Джейнтльменов.

– А кто это Наоми Брокльхерст? – спросила я, прочитав надпись на здании школы.

– Это дама, построившая новую часть дома. Ее сын здесь управляющий. Он казначей и директор.

– Значит, этот дом не принадлежит той высокой даме с часами, которая приказала дать нам хлеб и сыр?

– Мисс Темпл? Если бы! Она отвечает за каждый свой шаг перед мистером Брокльхерстом. Это он покупает нам продукты и одежду.

– Он тоже живет здесь?

– Нет, в двух милях отсюда, в большом доме.

– Он добрый человек?

– Он духовное лицо, говорят, делает нам много добра.

– Значит, высокую даму зовут мисс Темпл. А как зовут других учительниц?

– Ту, с румяными щеками, зовут мисс Смит, она учит нас рукоделью и кройке, потому что мы сами себе шьем платья, юбки и все остальное. Низенькая брюнетка – это мисс Скетчерд, преподает историю, грамматику и занимается со вторым классом, а та, что носит шаль и носовой платок сбоку на желтой ленте, – мадам Пьеро, она из Лилля, из Франции, и преподает французский язык.

В этот момент зазвонили к обеду, и все вернулись в здание. Обед по своим вкусовым качествам был не лучше завтрака. В двух огромных жестяных котлах подали безвкусный картофель с кусочками тухлого мяса. Каждая воспитанница получила довольно внушительную порцию.

Давясь предложенным месивом, я думала: неужели нас каждый день будут так кормить?

Глава VI

Так началась моя учеба.

На занятиях младших учили шить, девочки же постарше изучали английскую историю. Среди них была и моя новая знакомая. Удивительно, но учителя ее постоянно ругали.

– Бернс, неряха! Ты сегодня утром даже ногтей не вычистила! – отчитывала её мисс Скетчерд.

Бернс, к моему удивлению, не оправдывалась, а ведь сегодня не было возможности умыться, так как вода замерзла в тазу. Пока я раздумывала над этим, мисс Скетчерд приказала Бернс принести розги и ударила несколько раз ими девочку по шее. Бернс вынесла пытку без единого крика, чем еще больше разозлила учительницу:

– Упрямая девчонка! – воскликнула мисс Скетчерд. – Тебя, видимо, ничем не проймешь и не исправишь! Грязнуля! Убери отсюда розги!

Когда Бернс вернулась из чулана, я заметила, что она прячет носовой платок, а на ее худой щеке виднеется влажный след от стертой слезы.

Я была озадачена поведением Бернс, поэтому вечером, когда наступил самый приятный момент – час игр, я решила поговорить с ней. Подкрепившись чашкой кофе и ломтиком хлеба, я пробралась между парами девчонок к читающей Бернс. Надо сказать, что она выделялась среди подруг явными успехами в учебе и незаурядными познаниями в литературе и истории. В игровой комнате было тепло, горел камин, у всех было приподнятое настроение.

– Это у тебя «Расселас»? – спросила я, остановившись возле нее.

– Да, – сказала она, – уже заканчиваю.

Через пять минут она захлопнула книгу. Я обрадовалась. Может, удастся её всё-таки разговорить.

– Как тебя зовут?

– Элен.

– Ты издалека сюда приехала?

– Я приехала с севера, это почти на границе Шотландии.

– Ты когда-нибудь вернешься обратно?

– Надеюсь, хотя, кто знает...

– Тебе, наверное, хочется уехать из Ловуда?

– Почему же? Меня прислали в Ловуд, чтобы здесь получить образование. Какой смысл уезжать, не добившись этой цели?

– Но ведь эта учительница, мисс Скетчерд, так придирается к тебе.

– Придирается? Да нет. Она просто строгая: она указывает мне на мои недостатки.

– А я бы на твоём месте ее возненавидела, я бы ни за что не поддалась. Посмела бы она только тронуть меня! Я бы вырвала розги у нее из рук, я бы изломала их у нее перед носом.

– Ничего бы ты не сделала, тебя бы тогда из школы исключили. А сколько неприятностей было бы у твоих родных?! Да и Библия нас учит терпению.

– Но ведь это унижительно, когда тебя бьют! Я младше тебя, но не вынесла бы такого позора. – И все-таки это твоя обязанность – терпеть. Только глупые и безвольные говорят, что не могут чего-то вынести, когда это их крест.

Я была поражена ходом её мыслей, недоступных моему разумению.

– Ты говоришь, Элен, что у тебя есть недостатки. Какие, например? Я думаю, что ты хорошая девочка.

– У тебя сложилось неверное впечатление обо мне. Мисс Скетчерд права, я неряшлива, не выполняю распорядка школы, читаю, когда нужно учить уроки. Все это очень раздражает мисс Скетчерд, которая по своей природе аккуратна, точна и требовательна.

– Ты забыла добавить – раздражительна и зла, – выпалила я. – А мисс Темплъ такая же строгая, как и мисс Скетчерд?

При имени мисс Темплъ на лице Элен появилась улыбка.

– Мисс Темплъ очень добрая, ей трудно быть строгой даже с самой плохой девочкой из нашей школы. Она мягко указывает на недостатки и всегда хвалит, если есть за что. Но даже это не может исправить меня.

– Странно, – сказала я, – неужели это так трудно?

– Тебе будет легко. Я наблюдала за тобой сегодня утром в классе и видела, как ты внимательно слушаешь преподавателя, а я не могу сосредоточиться, мои мысли постоянно где-то витают. – Зато как ты здорово сегодня отвечала на уроке!

– Это чистая случайность, в тот момент я думала о Карле Первом, о его трагической судьбе.

– А когда урок дает мисс Темплъ, твои мысли тоже где-то бродят?

– Конечно, нет. Её всегда интересно слушать.

– Значит, на уроках мисс Темплъ ты хорошо ведешь себя?

– Да, но это выходит само собой: я не делаю для этого никаких усилий, а только следую своим склонностям, и значит – это не моя заслуга.

– Нет, это большая заслуга. Ты относишься уважительно к тем, кто уважителен с тобой. По-моему, это правильно. И надо отвечать ударом на удар, тогда нас никто не будет обижать.

– Я надеюсь, ты изменишь свою точку зрения, когда подрастешь, а пока ты только маленькая, несмышленная девочка.

– Но я так чувствую, Элен.

– Нельзя победить насилие насилием.

– А чем же тогда?

– Почитай Новый завет и обрати внимание на то, что говорит Христос и как он поступает.

– Что же он говорит?

– Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, творите добро ненавидящим и презирающим вас.

– Значит, я должна была бы любить миссис Рид, а я не могу! Я должна была бы благословлять ее сына Джона, а это выше моих сил!

Тогда Элен Бернс попросила меня рассказать о себе, и я ей поведала о своей жизни в семействе Ридов. Элен слушала, не перебивая меня.

– Ну что, – спросила я, – разве миссис Рид хорошая женщина?

– Конечно, она была жестока к тебе, но тебе стало бы сейчас гораздо легче, если бы ты смогла забыть её жестокость, простила бы её.

Тут к нам подошла одна из старших, рослая грубоватая девушка, и буркнула с резким кемберлендским акцентом:

– Элен Бернс, если ты сейчас же не приведешь в порядок свои вещи в ящике, я расскажу всё мисс Скетчерд, и она тебе задаст!

Элен словно очнулась от сна, вздохнула и немедленно пошла выполнять приказание старшей подруги.

Глава VII

Первые три месяца в Ловуде показались мне вечностью. Было трудно привыкать к новым порядкам, да и постоянное чувство голода не прибавляло радости. Сколько раз старшие девушки отбирали у меня мою и так маленькую порцию еды! А пожаловаться было некому.

Наши прогулки ограничивались походом в церковь. Скучная пища, плохая одежда и обувь привели к тому, что у девочек совершенно ослабло здоровье. Одни только ласковые слова мисс Темпл поднимали у нас бодрость духа. Другие же учительницы, бедняжки, были обычно слишком угнетены, чтобы поддерживать нас.

Я еще ни разу не упомянула о посещениях мистера Брокльхерста, так как он гостил у своего друга викария. Мне было спокойно, пока он отсутствовал, но, однажды, после обеда (я находилась в Ловуде уже более трех недель), он появился в школе. Я не забыла ехидные намеки моей тети о порочности моего характера и обещании мистера Брокльхерста поставить мисс Темпл и других учительниц в известность об этом. И вот теперь он был здесь.

Он стоял возле мисс Темпл и что-то шептал ей на ухо. Я сидела недалеко от них и могла, прислушавшись, различать слова. Мистер Брокльхерст выговаривал директрисе за то, что та не очень экономна, что позволила некоторым воспитанницам дважды за неделю сменить кружевные манжеты, что завтракали они порой по два раза за день, что нитки для шитья расходуются свыше меры. Мисс Темпл отвечала спокойно и аргументировано, однако обещала, что впредь будет экономней. Затем управляющий обратил внимания, что у некоторых девочек слишком длинные косы и даже приказал обрить их головы наголо, говоря, что ученицам не следует потакать в их низменных желаниях. В этот момент в класс зашли три дамы: жена и две дочери нашего управляющего. Жаль, что они пропустили монолог мистера Брокльхерста об излишествах и скромности, так как сами они были расфуфырены в шелка, бархат и меха.

Слушая мистера Брокльхерста, я старалась быть незаметной для него, прикрываясь доской для задачек. Однако я настолько разволновалась, что доска выпала у меня из рук и с грохотом упала на пол. Меня, естественно, сразу же обнаружили. Управляющий тут же направился ко мне.

– Какая бестолковая девочка! – сказал мистер Брокльхерст и сейчас же добавил. – Кстати, это новая воспитанница. – Я не успела перевести дыхание, как он уже продолжил: – Я обязан сказать о ней несколько слов. Пусть она немедленно выйдет вперед.

Сама бы я не поднялась, так как окаменела от страха, мне помогли две взрослые девушки, поставившие меня на ноги. Мисс Темпл мягко подвела меня к управляющему и шепнула мне:

– Не бойся, Джейн, я видела, что ты не виновата. Все будет в порядке.

«Ах, какое сейчас её ждёт разочарование, если она поверит словам мистера Брокльхерста!»

– Принесите стул, – сказал мистер Брокльхерст, указывая на очень высокий стул, с которого только что встала одна из старших девушек. – Поставьте на него эту девочку...

Его приказание было исполнено в точности. Откашлявшись, мой мучитель продолжал:

– Сударыни, – сказал он, обращаясь к своему семейству, – мисс Темпл, наставницы и дети! Вы видите эту девочку? Смотрите на неё внимательно! Это непростой ребенок! Её благодетельница предупредила меня, и я должен поставить вас всех в известность, что эта девочка – лгунья! – Семейство Брокльхерстов издало возглас возмущения. – Да, к сожалению, это именно так. Я рекомендую нашим воспитанницам как можно меньше разговаривать с ней, избегать её, а преподавателям следить за каждым её шагом и словом! И пусть она еще полчаса постоит на стуле.

Мои чувства трудно описать, – меня приковали к позорному столбу! Как теперь ко мне будут относиться ученицы, преподаватели?! Слезы готовы были брызнуть из моих глаз. И

тут мимо прошла девочка и взглянула на меня. Какой странный чудесный свет лился из её глаз! Сколько новых, высоких чувств пробудил во мне этот взгляд! Как подбодрил! Я тут же подавила в себе рыдания, подняла голову и решительно выпрямилась во весь рост. Это была Элен Бернс. В её улыбке было столько понимания и доброты! Теперь я осознала, кто такая Элен Бернс. Это не девочка с клеймом «неряхи», это ангельское создание, которое способно подбодрить, поддержать того, кто находился в худшем, чем она положении.

Глава VIII

Когда все ушли в столовую пить чай, я осмелилась сойти со стула. В комнате уже было достаточно темно. Забившись в угол, я упала на пол и разразилась глухими рыданиями. Скорбь моя была велика. Обвинения во лжи при всей школе вывели меня из состояния равновесия. Я так хотела заслужить внимание и любовь своих преподавателей и подруг, но, видимо, этому не суждено было сбыться. Меня уже начали хвалить, зачислили в первые ученицы, мисс Темпл обещала мне уроки французского языка, если я продолжу в том же духе, и тут такой удар! Мне хотелось умереть. И тут в комнату вошла Элен Бернс. Она принесла мне кофе и хлеба.

– Давай, поешь немного, – сказала она.

Я отказалась от еды, мне казалось, что я не проглочу ни кусочка. Элен удивленно смотрела на меня.

– Элен, Элен, как ты можешь сидеть с девочкой, которую все считают лгуньей?

– Во-первых, я не верю, Джейн! Кроме того, только восемьдесят человек это слышали, а в мире гораздо больше людей.

– Какое мне дело до других людей? Мне важно, что те, кого я знаю, теперь будут презирать меня.

– Поверь, никто тебя не презирает, тебя даже жалеют, только не могут выразить тебе сочувствия.

– Как они могут жалеть меня после слов мистера Брокльхерста?

– Мистер Брокльхерст – не Бог, его никто не любит и не уважает. Если бы он к тебе хорошо относился, у тебя бы появились враги. Будь такой, как прежде, и к тебе не изменится отношение. Кроме того, Джейн...

– Ну что, Элен? – сказала я, взяв ее за руку.

– Даже если весь мир тебя будет ненавидеть, но ты будешь чиста перед самой собой, то все обвинения мира – пусты, и ты всегда найдешь друзей.

– Да, конечно, но если при этом меня не будут любить...

– Успокойся, Джейн! Тебя слишком волнует любовь окружающих. Кроме людей, есть еще царство ангелов, которые всё видят и понимают, и охраняют нас от бед. Зачем поддаваться отчаянию, если жизнь коротка, а смерть – верный путь к счастью и покою?

Элен замолчала и тут же закашлялась. Я забыла о своем горе, привлекла её к себе и мы сидели, обнявшись. Но это продолжалось недолго, так как в класс вошла мисс Темпл.

– Я ищу тебя, Джейн Эйр, – сказала она, – я хочу пригласить тебя к себе в комнату, а раз здесь Элен Бернс, то приглашаю и Элен.

Мы последовали за своей наставницей. В её комнате жарко пылал камин, было уютно и тепло. Мисс Темпл предложила Элен Бернс сесть в низенькое кресло у камина, а сама села в другое кресло и привлекла меня к себе.

– Ну что, успокоилась? – спросила она, взглядываясь в меня.

– Боюсь, что я никогда не успокоюсь.

– Почему?

– Потому что меня несправедливо обвинили, и вы, мисс Темпл, и все другие будут теперь считать, что я очень плохая.

– Мы будем считать тебя такой, какой ты себя покажешь, дитя мое. Продолжай вести себя хорошо, и мы будем довольны тобой.

– Это правда, мисс Темпл?

– Ну, конечно, – сказала она, обняв меня одной рукой. – А теперь расскажи мне, кто эта твоя благодетельницей, о которой говорил мистер Брокльхерст? Постарайся не преувеличивать ничего.

Мой рассказ был сдержанным, в нем не было тех эмоций, которые я обычно вкладывала, вспоминая о миссис Рид и его детях, поэтому он произвел более сильное впечатление на слушавших. Я упомянула с благодарностью имя мистера Ллойда, лечившего меня после припадка.

– Я немного знаю мистера Ллойда. Я напишу ему. Если он подтвердит то, что ты рассказала, с тебя при всех будет сняты все обвинения. Что касается меня, Джейн, в моих глазах ты оправдана уже сейчас.

Она поцеловала меня, и я вдруг почувствовала себя такой счастливой! Мне было так хорошо рядом с мисс Темпл!

– А ты, как себя чувствуешь сегодня, Элен? Ты днем много кашляла?

– Не так много, сударыня.

– А боль в груди?

– Мне лучше.

Мисс Темпл встала, взяла ее за руку, сосчитала пульс и тяжело вздохнула. Затем, опомнившись, заставила себя улыбнуться и сказала:

– Ну, сегодня вы мои гости, и я должна принимать вас, как гостей. – Она позвонила.

– Барбара, – сказала она вошедшей горничной, – я еще не пила чаю. Принесите поднос и поставьте две чашки для этих двух молодых особ.

На подносе красовались фарфоровые чашечки, ярко начищенный чайник, приятно благоухал горячий чай и поджаренный хлеб. Мы приступили к чаепитию. Однако для двух вечно голодных детей гренок оказалось очень мало. Мисс Темпл тоже обратила на это внимание.

– Барбара, – сказала она, – не можете ли вы принести нам побольше хлеба с маслом? Здесь на троих не хватит. Барбара вышла, но вскоре вернулась.

– Сударыня, миссис Харден говорит, что она прислала обычную порцию.

Миссис Харден была экономкой в школе, этой женщине мистер Брокльхерст очень доверял.

– Ну, хорошо, – отозвалась мисс Темпл, – мы постараемся обойтись, Барбара. – И, когда девушка ушла, она пояснила, улыбаясь. – К счастью, я могу вас угостить еще кое-чем.

К столу мисс Темпл предложила большой сладкий пирог. И чаепитие превратилось в настоящее пиршество. Затем, убрав чашки в сторону и устроившись поудобнее, мисс Темпл и Элен начали разговор, присутствовать при котором было для меня действительно большой честью. Они говорили о прочитанных книгах, о литературе, истории. Мне было очень интересно. Однако беседу прервал колокол, возвещавший о том, что пора идти спать. Благословив нас, Мисс Темпл обняла каждую и проводила до дверей. С большой неохотой она оторвалась от Элен, провожая её тревожным взглядом.

Неделю спустя пришел ответ от мистера Ллойда, в котором он подтвердил мою невиновность. Собрав всю школу, мисс Темпл объявила, что провела тщательное расследование, в результате чего выяснилось, что Джейн Эйр оговорили, и она счастлива, что может заявить перед всеми о моем полном оправдании. Наставницы окружили меня. Они жали мне руки и целовали, а среди учениц пробежал шепот удовлетворения.

Итак, я была оправдана. Теперь я могла спокойно погрузиться в учебу, доказать всем, что у меня есть способности. Я упорно трудилась, и мои усилия увенчались успехом. Уже через две-три недели я была переведена в следующий класс, а меньше чем через два месяца мне было разрешено начать уроки французского языка и рисования. Я была счастлива.

Прав был Соломон, когда сказал: «Утошение из зелени, поданное с любовью, лучше, нежели откормленный бык, заправленный ненавистью».

Теперь я уже не променяла бы Ловуд со всеми его лишениями ни на какое богатство мира.

Глава IX

Приближалась весна, и трудности жизни в школе уже не так остро ощущались. Зимние морозы ослабели, снег практически растаял, ветра потеплели. Мои бедные ноги, обмороженные и распухшие в холода, начали заживать под действием ласкового апрельского солнца. Однако лесная долина, в окружении которой расположился Ловуд, рождала ядовитые туманы, а те в свою очередь становились причиной многих заболеваний. Вот и сейчас началась эпидемия тифа, унесшая немало жизней из нашей школы, тем более что болезнь легко косила истощенных неполноценным питанием воспитанниц. В конце концов, Ловуд практически превратился в больницу. В этих условиях уроки были прерваны, правила распорядка соблюдались менее строго, и те немногие, что еще не заболели, пользовались неограниченной свободой.

Для того, чтобы болезнь не распространялась, здоровых отправляли к родным или друзьям, однако, многие уже были заражены и умирали дома. Тех, кто умирал в школе, хоронили быстро, так как оставалась опасность распространения эпидемии. Многие из работников школы поспешили покинуть Ловуд. В их числе была и экономка Ловуда. На её место заступила кухарка, которая кормила нас досыта и довольно вкусно. Надо сказать, что её никто не контролировал в этом смысле, так как ни мистер Брокльхерст, ни его семейство не решались даже приблизиться к Ловуду.

Теперь распорядок дня состоял из прогулок и приемов пищи. Я больше всего любила бродить вдоль ручья вместе с моей новой подругой Мери-Энн Вильсон. Это была умная, наблюдательная и веселая девочка. В её обществе мне было просто и легко, потому что она никогда не указывала мне на мои недостатки. В общем, мы с ней прекрасно ладили.

Не подумайте, что я забыла об Элен Бернс. В моей душе продолжало жить чувство привязанности к ней, такое сильное и нежное, какое я потом редко испытывала. Однако она была больна и несколько недель уже не показывалась. Ее не положили в лазарет вместе с тифозными больными, потому что у нее был туберкулез, а не тиф. У меня не было ни малейшего представления о том, насколько опасна эта болезнь.

Однажды в начале июля, под вечер, у ворот дома мы увидели лошадь, принадлежащую врачу. Видимо, кому-то стало очень плохо, если за мистером Бейтсом послали так поздно. Прошло немного времени, и врач вышел в сопровождении одной из нянек. Я тут же подбежала к ней с расспросами:

– Как себя чувствует Элен Бернс?

– Очень плохо, – ответила она.

– Это к ней приезжал мистер Бейтс?

– Да.

– А что он говорит?

– Он говорит, что ей недолго осталось.

– А где она сейчас? – я сразу же всё поняла.

– Она в комнате у мисс Темпль, – сказала няня.

– А можно мне пойти поговорить с ней?

– О нет, дорогая. К ней нельзя. Да и тебе пора идти спать, иначе тоже заболеешь. Уже поздно.

Разве могла я удовлетвориться подобным ответом? Поэтому, когда все уснули, я тихонько встала, оделась и стала пробираться в ту часть здания, где стоял резкий запах камфары и древесного уксуса. Больше всего на свете я боялась, что кто-нибудь заставит меня вернуться. Я должна была увидеть Элен! Я должна была проститься с ней перед смертью, поцеловать, сказать пару слов!

Я спустилась по лестнице и оказалась прямо перед комнатой мисс Темпл. Сквозь щель в двери пробивался лучик света. Набравшись мужества, я решительно открыла дверь, боясь только одного – опоздать.

Рядом с кроватью мисс Темпл стояла кровать поменьше, в которой лежала Элен. Мисс Темпл в комнате не было. Я осторожно подошла к кровати и остановилась возле нее, коснувшись полога, но я решила сначала заговорить, а потом уже отдернуть его. Я боялась увидеть мертвое тело.

– Элен, – прошептала я, – ты спишь?

Она приподнялась, откинула полог, и я увидела ее лицо – бледное, но совершенно спокойное. И у меня появилась надежда.

– Это ты, Джейн? – спросила она своим обычным тихим голосом.

«Нет, – подумала я, – она не умирает, она меня узнала!»

Я села на кровать и поцеловала ее. Лоб у нее был холодный, она заметно похудела, но улыбалась, как прежде.

– Как ты здесь оказалась, Джейн? Ведь уже двенадцатый час, я слышала, как пробило одиннадцать.

– Я пришла проведать тебя, Элен: я узнала, что ты очень больна, и не могла уснуть, не повидав тебя.

– Значит, ты пришла проститься?

– Ты разве уезжаешь домой?

– Да, я собираюсь в дальнюю дорогу, в мой последний приют.

– Нет, Элен, нет! – возразила я в отчаянии, еле сдерживая слезы.

У Элен начался приступ кашля, когда приступ кончился, она, пролежав несколько минут обессиленная, шепнула:

– Джейн, у тебя ноги замерзли. Ложись ко мне под одеяло.

Я так и сделала. Она обняла меня, и я прижалась к ней. После долгого молчания она сказала:

– Мне хорошо, Джейн. Когда тебе скажут, что я умерла, не плачь обо мне. Все мы когда-нибудь умрем, а моя болезнь не такая уж мучительная, она безболезненно сводит меня в могилу. Моя душа спокойна. Кроме отца, у меня никого нет, да и он недавно женился, так что грустить обо мне долго не будет.

– Ты спокойна, потому что знаешь, куда идешь?

– Да, я верю и надеюсь, что к Богу.

– А где Бог? Кто такой Бог?

– Мой творец и твой, он никогда не разрушит того, что создал сам. Он добр и всемогущ. Я с нетерпением жду встречи с ним.

– А я увижусь с тобой, Элен, когда умру?

– Не сомневайся в этом, дорогая Джейн.

Я уткнулась лицом в плечо моей подруги. Казалось, она была дороже всех и всего на свете для меня в ту минуту. Не было никаких сил расстаться с ней. Вдруг она сказала с невыразимой нежностью:

– Как мне хорошо! Этот последний приступ кашля извел меня, и, наверное, я смогу заснуть. Только ты не уходи, Джейн, побудь со мной.

– Я останусь с тобой, моя милая Элен.

– Ты согрелась, малышка?

– Да.

– Спокойной ночи, Джейн!

– Спокойной ночи, Элен!

Мы поцеловались и скоро обе уснули.

Когда я проснулась, был уже день. Меня разбудило ощущение, что я куда-то лечу, – это няня несла меня на руках в нашу спальню. Никто не ругал меня за ночной поход, но и на мои вопросы об Элен никто не отвечал.

Только через два дня я узнала, что на рассвете вернулась мисс Темпл и обнаружила меня в кровати Элен, которая к этому моменту уже была мертва.

Могила Элен Бернс – на брокльбриджском кладбище. Целых пятнадцать лет её могила походила на зеленый холмик, однако, теперь там лежит серая мраморная плита, на которой можно прочесть ее имя и слово «Resurgam», что в переводе с латинского означает «Воскресну».

Глава X

До сих пор я рассказывала читателям подробно о значимых событиях своего детства. Дальнейшее мое восьмилетнее пребывание в стенах ловлудской школы можно описать в нескольких словах.

После того, как эпидемия отступила, была создана комиссия по расследованию причин, приведших к столь печальным последствиям. Естественно, выяснилось, что детей отвратительно кормили, для питья использовали гнилую воду, одежда воспитанниц была убога, да и сверхстрогие распорядки не могли способствовать здоровью учениц. Все эти нарушения не могли не сказаться на авторитете мистера Брокльхерста в среде местного общества. Нашлись богатые и доброжелательные лица, которые пожертвовали крупные суммы на благоустройство школы и её обитателей. Невозможно было совсем устранить от дел мистера Брокльхерста, его оставили казначеем, но уже самостоятельно он не мог решать судьбы школы.

Начались коренные преобразования. Во-первых, построили новые здания приюта, но уже в другой, здоровой местности, во-вторых, были установлены новые правила, по которым воспитанницы получали достойное содержание: питание значительно улучшилось, одежда выдавалась добротная.

Вскоре школа, в которой были введены все эти новшества, стала действительно полезным и уважаемым учреждением. После ее преобразования я пробыла в ней еще восемь лет: шесть – как ученица и два – как учительница. Я получила прекрасное образование, совершенствоваться мне помогала мисс Темпель, которая продолжала оставаться на посту директрисы все эти годы. Именно она сделала все возможное, чтобы я, как и другие воспитанницы школы, чувствовали себя в Ловуде почти как дома. Она заменила мне сначала мать, потом стала моей подругой. Однако настал момент, когда мисс Темпель покинула школу, – вышла замуж за достойного человека.

Мне суждено было увидеть, как она после бракосочетания, одетая по-дорожному, садится в почтовую карету. Я следила глазами, как эта карета поднимается на холм и затем исчезает за его хребтом. С того дня, как она уехала, во мне что-то перевернулось. Ясно было одно: меня больше ничто здесь не держало. И я стала просить Бога, чтобы он мне послал новое место. Я жаждала свободы!

Однако как добиваются нового места люди, у которых никого нет во всем белом свете? Этот вопрос не давал мне покоя, пока однажды утром ответ пришел сам собой: «Те, кто ищет работу, дают объявление в газету». Но как? Я не знала, как даются объявления. И снова последовал быстрый и точный ответ: «Запечатая текст объявления и деньги в конверт и отправь в адрес издательства».

Я сразу же решила набросать на листке бумаги следующее объявление:

«Молодая особа, имеющая преподавательский опыт, ищет место в частном доме к детям не старше четырнадцати лет. (Мне самой было восемнадцать).

Кроме общих предметов школьной программы, преподает французский язык, рисование и музыку. Адрес: Лоутон, в... ширском графстве, до востребования Дж. Э.»

Объявление пролежало весь день в моем ящике. После чая, под тем предлогом, что мне необходимо сделать кое-какие покупки для себя и других учительниц, я отпросилась у новой директрисы в Лоутон, где и опустила письмо в почтовый ящик. Возвращаться пришлось под проливным дождем, я промокла до нитки, но была чрезвычайно довольна. Теперь надо было только ждать. Я дала себе на это ровно неделю.

Через семь дней уже под другим предлогом я опять отпросилась в Лоутон. Старушка, заведующая почтой, долго возилась, пока не вручила единственное адресованное мне письмо.

– Только одно? – спросила я.

– Больше нет, – ответила она.

Я положила письмо в карман и направилась в обратный путь. Было велико желание распечатать конверт сразу, но правила школы требовали, чтобы я вернулась ровно в восемь, а была уже половина восьмого.

После того как я выполнила все возложенные на меня по школе обязанности, у меня наконец-то появилась возможность прочесть письмо:

«Если Дж. Э., поместившая объявление в „... ширском вестнике“, действительно обладает всеми перечисленными ею данными и если у неё есть соответствующие рекомендации, мы предлагаем ей место воспитательницы к девятилетней девочке с вознаграждением в 30 фунтов за год. Просьба к Дж. Э. прислать указанные рекомендации, а также сообщить свои имя и фамилию, место жительства и другие необходимые сведения по адресу: Мисс Фэйрфакс, Торнфильд, близ Милкота, в... ширском графстве».

Во-первых, письмо было написано в старомодном стиле, значит, его писала пожилая дама, что меня очень обрадовало. «Наверное, вдова», – подумала я. Миссис Фэйрфакс! Должно быть, она живет в красивой усадьбе... К тому же Милкот в... ширском графстве – это на целых семьдесят миль ближе к Лондону, чем та отдаленная окраина, где я живу сейчас. Это обстоятельство меня заинтересовало. Меня влекла новая жизнь, новые люди, новые города. Впрочем, скорее всего, Торнфильд находится далеко от города.

В эту минуту свеча догорела, и комната погрузилась во мрак.

На следующий день надо было действовать. Меня приняла директриса, и я ей подробно рассказала, что нашла новое место, где мне будут платить в два раза больше, чем я получаю сейчас в школе, и что мне нужна соответствующая рекомендация. Директриса обещала помочь.

Сначала она обратилась к мистеру Брокльхерсту, который в свою очередь предложил испросить разрешения у мисс Рид – моей опекуни. Та же ответила, что моя судьба давно уже находится вне круга её интересов, и я вольна поступать так, как мне заблагорассудится. После того, как прошение обошло всех членов комитета школы, я получила официальное разрешение сменить место работы. Мне выдали характеристику и свидетельство об образовании за подписью инспектора нашего учреждения.

Копии этих документов я через месяц послала миссис Фэйрфакс, которая ответила, что она довольна полученными сведениями и через две недели предлагает мне занять место гувернантки в её доме.

Две недели промелькнули незаметно, да и сборы заняли немного времени. Я за день уложила чемодан, который восемь лет тому назад привезла с собой из Гейтсхэда. Чемодан затянули ремнями, наклеили ярлык с моим именем, и носильщик отвез его в Лоутон. Я же должна была на следующий день отправиться туда пешком, чтобы сесть в дилижанс.

Я почистила дорожное платье, приготовила шляпку, перчатки и муфту, осмотрела все ящики... Теперь можно было немного отдохнуть. И тут в мою комнату вошла горничная:

– Мисс, – сказала она, – вас внизу кто-то спрашивает.

«Наверное, носильщик», – решила я и тут же побежала в кухню. Не успела я пройти мимо маленькой гостиной, дверь которой была полуоткрыта, как оттуда кто-то выбежал.

– Она, она, я её сразу узнала! Я бы её из сотни узнала! – воскликнула какая-то особа, хватая меня за руку.

Я посмотрела на нее. Передо мною стояла еще молодая черноволосая женщина, одетая как служанка из богатого дома.

– А ну, угадайте, кто я! – ее голос и улыбка показались мне очень знакомыми. – Вы, наверное, не совсем забыли меня, мисс Джейн?

Еще мгновение – и я уже горячо обнимала и целовала ее.

– Бесси! Бесси! Бесси! – повторяла я, смеясь и плача одновременно.

Через минуту мы вошли в гостиную. Перед камином стоял маленький мальчик лет трех.

– А это мой сыночек, – объяснила Бесси.

– Значит, вы замужем, Бесси?

– Да, уже почти пять лет, как я замужем за Робертом Ливеном, нашим кучером. Кроме Бобби, у нас есть еще маленькая дочурка, её зовут Джейн.

– Ну, как они там все поживают? Расскажите мне все о них, Бесси! Садитесь. А ты, Бобби, иди ко мне на ручки.

Бобби предпочел прижаться к матери.

– А вы не очень-то и выросли, мисс Джейн, и не так уж пополнели, – продолжала миссис Ливен. – Видно, не слишком сытно кормили вас тут в школе. Старшая мисс Рид на голову выше вас, да и пошире будет, а из мисс Джорджианы можно было бы двух таких, как вы сработать.

– Джорджиана, наверное, красавица, Бесси?

– Да. В прошлую зиму она со своей мамой ездила в Лондон, и там в неё влюбился молодой лорд, даже хотел жениться, но его родные были против. И что же вы думаете, они сговорились с мисс Джорджианой бежать! Но их выследила мисс Рид, из зависти, видно. Так они с тех пор с сестрой грызутся как кошка с собакой.

– Ну, а как Джон Рид?

– Дела у него не так хороши, как бы хотелось его маме. Из университета его выгнали, потом его дяди хотели, чтобы он стал адвокатом и изучал право, но он такой непутевый, что вряд ли из него толк будет.

– А как он выглядит?

– Мистер Джон очень высокий. Некоторые считают, что он хорош собой, но у него ужасно толстые губы.

– А миссис Рид?

– Миссис располнела и с лица ничего, но только места себе не находит: Джон проматывает деньги без счета.

– Это она вас послала сюда, Бесси?

– Конечно, нет! Мне самой уже давно хотелось повидать вас. Когда я узнала, что от вас было письмо и что вы собираетесь уехать куда-то далеко, я решила – поеду и взгляну на нее, пока она еще близко.

– Боюсь, что вы разочаровались во мне, Бесси. – Я сказала это смеясь, ибо заметила, что взгляд Бесси, хотя и уважительный, но восхищения не выражал.

– Нет, мисс Джейн, не то чтобы... Вы очень элегантны, прямо настоящая леди. А большего я и не ожидала увидеть: вы и ребенком не были красавицей.

Я улыбнулась ее искренним словам, хотя чувствовала себя уязвленной (какой восемнадцатилетней девушке не хочется быть красивой?), но в то же время я понимала, что она права.

– Однако я уверена, что вы очень умная, – продолжала Бесси, стараясь меня утешить. – Чему вы научились? Вы умеете играть на рояле?

– Немного, – ответила я и сыграла несколько фраз из недавно разученного вальса.

– А рисовать умеете?

– Вон один из моих рисунков, над камином.

– А по-французски вы тоже научились?

– Да, Бесси, я читаю и говорю по-французски.

– О, да вы действительно стали настоящей леди, мисс Джейн! Я всегда была уверена, что так будет. Так, как вы играете и рисуете, нашим барышням никогда не суметь. Вы сами пробьетесь в жизни, без всяких родственников. Знаете, я хотела спросить вас, мисс: вам ничего не известно о ваших родственниках по фамилии Эйр?

– Ничего.

– Вы помните, что миссис всегда говорила, что они у вас бедные и простые. Может, так оно и есть, только семь лет тому назад в Гейтсхэд приезжал какой-то мистер Эйр, спрашивал о вас. Миссис сказала, что вы в школе, за пятьдесят миль от нашего дома. Он был очень огорчен, так как не мог навестить вас, потому что срочно уезжал куда-то за границу, и корабль должен был уйти из Лондона через день или два. Но на вид он был настоящий Джейнтльмен, полагаю, что это был брат вашего отца.

– Куда же он ехал, Бесси?

– На какой-то остров, где вино делают. Мне буфетчик объяснял...

– На Мадейру? – догадалась я.

– Да, да, вот именно, – он так и сказал.

– Значит, уехал?

– Да, он и пары минут не пробыл у нас. Миссис держалась с ним очень высокомерно. Она потом называла его: «Этот дрянной торгаш». Мой муж предполагает, что он торгует вином.

– Очень возможно, – ответила я, – а может быть, он агент или служащий винодельческой фирмы.

Мы с Бесси еще немного поболтали о прежней жизни, и она ушла. Я еще раз встретилась с ней на другое утро в Лоутоне, когда ожидала дилижанс. Там же мы с ней окончательно простились. Затем подъехал экипаж, который увез меня в неведомые окрестности Милкота, где меня ждала новая жизнь.

Глава XI

Из Лоутона я выехала в четыре утра, а в Милкот прибыла в восемь вечера. К моему удивлению, меня никто не встречал, поэтому пришлось остановиться на время в гостинице. Я спрашивала у слуг, не ожидал ли кто-нибудь мисс Эйр, но получала отрицательный ответ. И вот я ждала в тревоге, терзаемая всевозможными сомнениями и страхами, чувствуя себя брошенной на произвол судьбы. Наконец я заставила себя позвонить:

– Есть тут по соседству имение под названием Торнфильд? – спросила я слугу, который явился на мой звонок.

– Торнфильд? Не слышал, сударыня. Я сейчас спрошу в ресторане. – Он исчез, но возвратился немедленно.

– Ваша фамилия Эйр, мисс?

– Да.

– Там вас ожидают.

Я тут же вскочила, взяла свои личные вещи и поспешила в коридор. Перед открытой дверью стоял какой-то человек, а на озаренной уличными фонарями мостовой я смутно различила очертания одноконного экипажа.

– Это, наверное, ваш багаж? – сказал человек отрывисто, указывая на мой чемодан.

– Да.

Он погрузил чемодан в экипаж, с виду похожий на небольшую карету. Когда кучер закрывал дверцу, я спросила, далеко ли до Торнфильда.

– Миль шесть будет.

– Сколько на это понадобится времени?

– Примерно часа полтора.

Он захлопнул дверцу, взобрался на козлы, и мы тронулись в путь. По дороге я гадала, какая она всё-таки мисс Фэйрфакс. Если она не очень богатая женщина, то это даже лучше. Богатство не делает людей добрее. Однако я надеялась, что моя новая хозяйка будет приветливее со мной, чем моя тетья. В крайнем случае, если мне не понравится у неё, найду себе другое место.

Я опустила окно и выглянула наружу. Дорога была грязная, ночь сырая и туманная. Кучер почти все время ехал шагом. Казалось, что дороге не будет конца, но тут возница обернулся и сказал:

– Ну, теперь недалеко и до Торнфильда.

Он оказался прав. Минут через двадцать экипаж остановился, кучер слез с козел и открыл ворота: мы въехали, и они захлопнулись за нами. Карета медленно поднялась по аллее и скоро приблизилась к дому. Лишь в одном окне сквозь занавески пробивался свет, все остальные были темны. Лошадь остановилась у подъезда.

Дверь открыла горничная.

– Прошу вас следовать за мной, сударыня, – сказала она. Служанка провела меня через большой квадратный холл со множеством высоких дверей и завела в маленькую уютную ярко освещенную комнату, в который горел камин. В старинном кресле с высокой спинкой сидела опрятная старушка, именно такая, какой я себе и нарисовала миссис Фэйрфакс, только менее представительная и гораздо более скромная. Миссис вязала. У ее ног лежала большая кошка. Трудно было представить более приятную встречу для вновь прибывшей молодой гувернантки.

– Ну, как вы себя чувствуете, моя дорогая? Наверное, устали с дороги, озябли? Подойдите ближе к огню.

– Миссис Фэйрфакс, вероятно? – спросила я.

– Да, вы угадали. Садитесь.

Она помогла мне снять шарф и шляпку, чем немало смутила меня.

– О, не беспокойтесь, моя дорогая, вы же совсем замерзли. Ли, приготовьте поскорей горячий грог и несколько сэндвичей.

«Она обращается со мной, как с гостьей, – подумала я. – Вот не ожидала такого приема! Холодность и чопорность были бы не удивительны в данном случае, а тут! Что-то я не слышала, чтобы так обходились с гувернанткой. Однако радоваться еще рано».

– Сегодня вечером я смогу познакомиться с мисс Фэйрфакс? – спросила я, подкрепившись.

– Что вы говорите, моя дорогая? Я плохо слышу... – отозвалась старушка.

Я повторила свой вопрос отчетливой.

– Мисс Фэйрфакс? О, вы, наверно, имеете в виду мисс Варанс? Фамилия вашей будущей ученицы – Варанс.

– Вот как... Значит, это не ваша дочь?

– Нет, у меня никого нет.

Я не стала более спрашивать её о мисс Варанс, так как решила, что постепенно все само собой прояснится.

– Я так рада! – продолжала она, садясь против меня и беря кошку на колени. Знаете, жить в одиночестве очень тяжело. Прошлую зиму здесь, кроме слуг, никого не было. С ними нельзя общаться на равных – теряется авторитет. Мне было так грустно. Конечно, Торнфильд – прекрасный старинный дом, хотя и потерял свое былое величие, но зимой в нем очень тоскливо... А потом, в начале осени, приехала маленькая Адель Варанс с няней... Ребенок сразу вносит в дом оживление. Вот вы приехали, теперь уж совсем весело будет.

Мне стало хорошо на сердце от слов этой доброй старушки, и я заверила её, что постараюсь не обмануть её ожиданий.

– Только сегодня я не дам вам сидеть долго, – сказала она, – уже двенадцатый час, а вы были в дороге весь день и наверняка очень устали. Идемте, я покажу вам вашу спальню. Она находится рядом с моей.

Проводив меня, миссис Фэйрфакс удалилась.

Комната была небольшая, но очень уютная и теплая. Я была счастлива. Мне надо будет приложить все усилия, чтобы оказаться достойной дарованной мне милости, которую еще ничем не за служила. Устав от впечатлений и долгого путешествия, я быстро уснула. Когда же проснулась, был уже день.

Я встала и тщательно оделась. Мои наряды хоть и были скромные, но подобраны со вкусом. Мне очень хотелось возместить то, что я была небольшого роста и далеко не красавица. И вот я причесалась как можно тщательнее, надела черное платье, которое довольно неплохо на мне сидело, пришила новую белую манишку и решила, что я довольно прилично выгляжу. Проветрив комнату и проверив все ли в порядке на моем туалетном столике, я вышла.

Спускаясь и заодно осматривая интерьер, я пришла к выводу, что в доме все необычайно торжественно и внушительно, особенно картинная галерея. Дверь холла, до половины застекленная, оказалась открытой, и я решила прогуляться.

Было ясное осеннее утро. Солнце ласкало меня своими лучами. Выйдя на лужайку, я обернулась, чтобы взглянуть на фасад дома. Это было трех этажное, не слишком большое, но внушительное здание. Зубчатые стены придавали ему особенно живописный вид. Дом был окружен все еще зелеными полями и цепью холмов, на склоне одного из которых располагалась деревушка. Ближе к усадьбе возвышалась церковь.

Я все еще наслаждалась этим мирным пейзажем, когда на пороге дома появилась миссис Фэйрфакс:

– Вы уже встали? – сказала она. – Да вы, я вижу, ранняя пташка.

Я подошла к ней, она приветливо поздоровалась и поцеловала меня в щеку.

– Понравился ли вам Торнфильд? – спросила она.

Я ответила, что очень понравился.

– Да, – согласилась она, – это красивое место, однако, если мистер Рочестер не надумает однажды здесь поселиться или хотя бы чаще навещать сюда, все придет в упадок: такие дома и парки требуют постоянного ухода.

– Мистер Рочестер? – удивилась я. – Кто это?

– Владелец Торнфильда, – спокойно отозвалась она. – Разве вы не знали, что его зовут Рочестер?

Конечно, не знала, мало того, никогда о нем не слышала. Но старушка, видимо, считала, что это должно быть известно всем.

– А я думала, что Торнфильд принадлежит вам.

– Мне? Господь с вами, дитя мое! Что это вы себе придумали! Мне! Да я только экономка, домоправительница. Правда, я в родстве с Рочестерами по женской линии, но я никогда не злоупотребляла этим. Я считаю себя обыкновенной экономкой. Мистер Рочестер – мой хозяин, он всегда вежлив, а большего мне и не надо.

– А девочка, моя ученица?

– Мистер Рочестер ее опекун. Это он попросил меня найти для нее гувернантку. Он, видимо, желает, чтобы девочка воспитывалась и росла здесь. Да вон и она сама со своей вонпе, так она называет няню.

Это была хрупкая с узким личиком и длинными роскошными волосами девочка. На вид ей было лет семь-восемь.

– Доброе утро, мисс Адель, – сказала миссис Фэйрфакс. – Подойдите к нам, познакомьтесь с мисс Эйр. Она сделает из вас со временем образованную барышню.

Девочка приблизилась.

– Это моя гувернантка? – спросила она по-французски, указывая на меня и обращаясь к своей няне.

– Видимо, так и есть, – ответила та.

– Они иностранки? – удивилась я, услышав французскую речь.

– Няня французенка, а Адель родилась во Франции и, насколько мне известно, шесть месяцев назад покинула свою родину. Когда она здесь появилась, ни слова не знала по-английски, теперь уже немного понимает, хотя я и сейчас не могу разобрать, что она говорит. Вам, наверное, будет несложно с ней общаться, ведь вы говорите по-французски.

К счастью, я не только говорила, но и без труда понимала Адель. Уроки французского в ловудской школе не прошли даром. Узнав, что я ее новая гувернантка, девочка без особого энтузиазма подошла и подала мне руку. Расхрабрилась же она за завтраком после того, как некоторое время наблюдала за мной, будто изучая. Затем вдруг оживилась и стала бодро болтать без умолку. – А вы говорите на моем родном языке не хуже мистера Рочестера, то-то Софи обрадуется! – воскликнула Адель по-французски. – Софи – моя няня. Она по-английски плохо говорит, так что вы ей будете прекрасной собеседницей. Мадемуазель... а как вас зовут?

– Эйр. Джейн Эйр.

– Эйр? Ну, трудно выговорить. Так вот, мы приехали с Софи и с мистером Рочестером из Франции на корабле. Нас всех укачало. Всем было плохо, и мистеру Рочестеру тоже. Затем корабль остановился в одном красивом городе, мы жили несколько дней в гостинице. Там было здорово! Красиво! Парк, озеро, птички! Я их кормила хлебными крошками. Так забавно было! Здорово!

– Неужели вы понимаете что-нибудь, когда она вот так тараторит? – спросила меня миссис Фэйрфакс. Я подтвердила. Тогда старушка попросила меня спросить девочку о её родителях.

– Адель, – сказала я, – а с кем вы жили раньше?

– Раньше, давно, я жила с мамой, но она сейчас на небесах. Мама научила меня танцевать, петь и декламировать стихи. К ней приходили гости, я для них пела и танцевала. Мне это очень нравилось. Хотите, я и вам спою?

Так как она уже позавтракала, я позволила ей блеснуть своими талантами.

Адель пела какую-то слезливую арию покинутой любовником женщины. В её устах это звучало довольно комично и показалось мне признаком дурного тона. Закончив петь, девочка спрыгнула с моих колен и сказала:

– А теперь, мадемуазель, я прочту вам стихи!

– Нет, пока довольно, дорогая. Ты говорила, что твоя мама ушла на небеса, с кем же ты тогда жила?

– Меня приютили мадам Фредерик и ее муж. Они заботились обо мне, но они мне всё-таки не родня, к тому же они были бедные. Я недолго жила у них. Вскоре приехал мистер Рочестер и предложил поехать с ним в Англию. Я его давно знаю, он очень добрый, и я согласилась. Только он меня обманул, привез меня сюда, а сам уехал.

После завтрака мы с Адель удалились в библиотеку, и приступили к нашим занятиям. Ученица оказалась довольно послушной, хотя и рассеянной девочкой. Она совершенно не была приучена к дисциплине и регулярным занятиям, поэтому я решила не загружать её поначалу. К тому же наступил полдень, и я позволила Адель вернуться к няне. Сама же надумала сделать несколько набросков, которые могли пригодиться мне на следующем занятии. Когда я поднималась наверх за папкой и карандашами, меня окликнула миссис Фэйрфакс:

– Полагаю, ваши утренние занятия закончились? Я бы хотела, если вы не против, показать вам дом.

– С удовольствием, – ответила я.

Старушка водила меня по комнатам этаж за этажом, пока мы не добрались до чердака.

– В каком порядке вы содержите все комнаты, миссис Фэйрфакс! – воскликнула я. – Ни пылинки, ни чехлов! Если бы не сырость, можно было бы подумать, что все они жилые.

– Дело в том, мисс Эйр, что мистер Рочестер раздражается, если видит зачехленную мебель, поэтому я должна быть всегда во всеоружии, хотя он и редко нас навещает.

– Разве мистер Рочестер такой требовательный?

– Нет, не скажу, но вкусы и привычки у него как у настоящего аристократа, и все в доме должно делаться так, как он пожелает.

– А вам он нравится? Его любят в округе?

– Безусловно. Эта семья всегда была очень уважаема. Кроме того, они очень богаты.

– Я не имела в виду его богатство, сам-то он вызывает симпатию, как человек?

– У меня нет причин не любить его.

– А какой у него характер?

– О, это безупречный человек. Правда, не без странностей. Много путешествует, многое повидал. Наверное, умен. Должна сказать, что он со мной мало разговаривал.

– А почему – со странностями?

– Да не знаю, право, – ничего такого особенного, но когда беседуешь с ним, не поймешь, шутит он или серьезно говорит. А так он очень хороший хозяин.

Наконец мы добрались до чердака.

– Хотите взглянуть на вид окрестности с крыши?

Я последовала за ней по узенькой лесенке на чердак. По пожарной лестнице и через открытый люк мы выбрались на крышу. Наклонившись, я посмотрела вниз, и парк развернулся передо мной, как огромная карта. В этом пейзаже не было ничего необычного, но он был прекрасен.

Налюбовавшись, мы отправились в обратный путь. Миссис Фэйрфакс на минуту задержалась, чтобы запереть люк, а я стала спускаться. Затем остановилась в длинном коридоре, который проходил через весь третий этаж, отделяя комнаты фасада от комнат, находившихся в глубине дома. Этот сумрачный коридор напомнил мне сказочный замок Синей Бороды.

Я снова пошла по коридору, как вдруг услышала странный звук, напоминающий приглушенный сухой смех. Я остановилась в недоумении. Смех на мгновение умолк, затем прозвучал гораздо громче и оборвался на высокой ноте.

– Миссис Фэйрфакс! – крикнула я, услышав, что она спускается по лестнице. – Вы слышали этот смех? Что это?

– Наверное, кто-нибудь из горничных, – ответила она. – Может быть, Грэйс Пул.

– Но вы слышали? – опять спросила я.

– Да, совершенно ясно. Я часто слышу ее смех. Она шьет в одной из этих комнат. Иногда с нею бывает и Ли, они шумят и болтают.

Смех повторился.

– Грэйс! – крикнула миссис Фэйрфакс.

Говоря по совести, я не ждала, что Грэйс ответит еще более страшным хохотом. Мне стало жутко. Слава Богу, был ясный день, иначе со мной бы случился припадок от страха.

Впрочем, все тут же разъяснилось: дверь рядом со мной открылась, и из комнаты вышла служанка – женщина лет тридцати – сорока. Она была довольно коренастая, рыжеволосая, с грубыми чертами лица.

– Слишком громко смеетесь, Грэйс, – сказала миссис Фэйрфакс, – помните приказ.

Грэйс молча присела и вернулась в комнату.

– Она шьет и помогает Ли по хозяйству, – объясняла старушка. – Конечно, она не без недостатков, но со своей работой справляется прекрасно. Кстати, как прошло ваше занятие?

Разговор, естественно, перешел на Адель, и мы развивали эту тему, пока спускались в нижние этажи. В холле ко мне подбежала Адель:

– Сударыня, обед на столе! Я очень проголодалась!

Обед накрыли в комнате миссис Фэйрфакс.

Глава XII

Надежда на спокойную и размеренную жизнь, которую сулила мне моя первая встреча с Торнфильдхоллом, укрепилась во мне после более длительного знакомства с этим местом и его обитателями. Всё шло как нельзя лучше. Наши взаимоотношения с миссис Фэйрфакс были теплыми и уважительными. Она оказалась доброй, простодушной и далеко неглупой женщиной. Моя же ученица, хоть и была немного избалованным ребенком, делала относительные успехи в учебе, так как мне удалось справиться с её недостатками... Надо сказать, что Адель не отличалась особыми талантами, но и не была хуже детей своего возраста. Возможно, моя характеристика Адель кому-то из родителей покажется слишком скупой на похвалу, но я не собираюсь потакать родительскому эгоизму. Я пишу так, как это было на самом деле, – правду.

В те часы, когда Адель гуляла с няней, я поднималась на крышу дома, чтобы полюбоваться на окрестности и помечтать о том, как живут люди в других городах, странах. При этом иногда слышала тот же странный смех и бормотание Грэйс Пул. Не раз я видела, как она выходила из своей комнаты. Да, у неё был нелюбезный вид, но вряд ли можно было сказать, что она не в себе. Мне так ни разу и не удалось её разговорить.

Остальные обитатели этого дома – Джон и его жена, Ли – (горничная) и Софи (няня-француженка) – были вполне приличные, но ничем не примечательные люди.

Так прошли октябрь, ноябрь и декабрь. Однажды в январе, когда Адель слегка приболела, мне пришлось отменить занятия. Был ясный, спокойный день, хотя и очень холодный. Миссис Фэйрфакс написала какое-то письмо и попросила меня отнести его на почту в Хэй. До деревушки было около двух миль, так что прогулка могла стать приятной.

Сначала я шла быстро, чтобы согреться, потом, замедлив шаг, любовалась окружающим пейзажем. Ни один человек не встретился мне на пути. Я уже отошла почти на милю от Торнфильда. А так как дорога, ведущая в Хэй, непрерывно поднималась в гору, я устала и решила присесть на пенек отдохнуть.

Внезапно тихое журчание ручейка, близ которого я присела, смешалось с топотом копыт. По всей видимости, приближался всадник. Так как в этом месте дорога была слишком узка, то я посчитала наиболее благоразумным просто сидеть и не шевелиться, чтобы конь мог спокойно пройти. Я сразу же нафантазировала себе образы коня и всадника, которые должны были быть похожи на героев сказок.

Всадник был уже совсем рядом, но я все еще не видела его. Через мгновение, кроме топота, я услышала шорох, и из кустов выскочила огромная, похожая на льва собака. Я испугалась, однако пёс пробежал мимо, будто меня и не заметив. Позади шел конь, очень крупный, на нем сидел всадник, который также не обратил на меня внимания. Он проследовал мимо, и я встала, чтобы продолжить свой путь. И тут произошло неожиданное: конь поскользнулся на обледенелой тропинке. Путник воскликнул: «Этого еще не хватало!» и натянул поводья. Но все же животное упало. Я остановилась. Конь и всадник лежали на земле. Собака, подбежав к ним, начала отчаянно лаять. Она обнюхала поверженного всадника и его коня, а затем подбежала ко мне, как бы моля о помощи. Мне ничего не оставалось, как подойти к всаднику, который пытался выпутаться из стремян.

– Вы ушиблись, сэр? Не могу ли я вам чем-нибудь помочь? – спросила я.

– Отойдите подальше, – ответил он, наконец, и приподнялся. Ему удалось высвободиться из-под коня и встать. Вслед за этим и конь вскочил, что очень обрадовало собаку, которую хозяин то и дело пытался успокоить выкриками: «Куш, Пилот!»

Мне очень хотелось помочь ему или хотя бы проявить внимание, и я опять подошла ближе.

– Если вы ушиблись, сэр, и вам нужна помощь, я могу сходить в Торнфильдхолл или Хэй.

– Благодарю вас. Обойдусь! Кости у меня целы, просто вывих.

Однако попытка сделать шаг отразилась болью на его лице.

Уже стемнело, но луна светила ярко, так что я разглядела его хорошо. Это был мужчина средних лет. Крепкого телосложения, среднего роста, смуглый, с суровыми чертами лица. На вид ему было около тридцати пяти. Одет он был в плащ для верховой езды с меховым воротником и стальными застёжками.

Я не чувствовала перед ним ни страха, ни особой робости. Если бы он вежливо отклонил моё предложение о помощи, возможно, я спокойно продолжила бы свой путь, но его сердитый тон и упрямство придали мне храбрости:

– Я никак не могу бросить вас, сэра, в столь поздний час, на пустынной дороге. По крайней мере до тех пор, пока вы не окажетесь в состоянии сесть на лошадь.

Когда я сказала это, он впервые посмотрел на меня.

– Вам самой давно пора быть дома, – сказал он, – если ваш дом, конечно, по соседству. Вы откуда взялись?

– Вон оттуда, снизу. Не думайте, я совсем не боюсь, мне нетрудно будет сбегать за помощью в Хэй, тем более что мне туда самой надо.

– Вы живете внизу? В том доме с башнями? – спросил он, указывая на Торнфильдхолл.

– Да, сэра.

– А чей это дом?

– Мистера Рочестера.

– Вы знаете мистера Рочестера?

– Нет, я его никогда не видела.

– Он что не живет там?

– Нет.

– А вы знаете, где он сейчас?

– Нет, не знаю.

– Так, вы не прислуга, это понятно. Вы... – он стал внимательно оглядывать меня.

– Я гувернантка.

– Ну, конечно, гувернантка, – повторил он. – Черт, я и забыл! – и снова стал рассматривать меня. Через несколько минут мужчина вновь попытался сдвинуться с места, но ему явно было больно ступать.

– Я не стану посылать вас за помощью, – сказал он, – но вы сами сможете мне помочь, если будете так любезны.

– Хорошо, сэра.

– У вас нет зонтика, которым я мог бы воспользоваться как тростью?

– Нет.

– Тогда постарайтесь взять мою лошадь и подвести ко мне. Вы не боитесь?

Конечно, я боялась, но деваться было некуда. Конь не поддавался, мне никак не удавалось ухватить его за уздечку. Наблюдая мои безуспешные попытки, мой новый знакомый в конце концов рассмеялся.

– Вижу, вижу – сказал он, – гора не желает идти к Магомету! Что же, помогите тогда Магомету подойти к горе... Извините меня, – добавил он, – лишь безвыходное положение заставляет меня воспользоваться вашей помощью.

Опираясь на мое плечо, он доковылял до коня, и морщась от боли, вскочил на него.

– Так-то, – сказал он, – подайте мне, пожалуйста ста, хлыст... Благодарю вас. Теперь бегите с вашим письмом в Хэй и возвращайтесь скорее домой.

Коснувшись шпорами коня, который тотчас взвился на дыбы, всадник исчез в темноте. Собака бросилась следом за ними.

Это маленькое приключение оставило радостный след в моей душе: мне удалось кому-то помочь. И пусть помощь была незначительной, но случай внес хоть какое-то разнообразие в мою размеренную жизнь.

Во время пути лицо моего случайного знакомого постоянно стояло у меня перед глазами. До бравшись до почты, я исполнила поручение миссис Фэйрфакс и направилась обратно в Торнфильд. Было уже поздно, следовало торопиться.

Подойдя к воротам дома, я замедлила шаг, решив прогуляться по лужайке. Что-то мешало мне войти в этот мрачный на вид дом. Однако войти всё-таки пришлось.

В холле было полутемно, под потолком горела только бронзовая лампа, но из столовой лился свет. Было видно, что возле камина расположилась группа людей. Однако я не успела разглядеть их, потому что дверь в столовую вдруг закрыли, и я поспешила в комнату миссис Фэйрфакс. Там тоже топился камин, правда, свечи не были зажжены, и хозяйка отсутствовала. Зато перед камином важно устроился пес, очень похожий на того, с дороги. Я даже невольно крикнула ему «Пилот!» Собака тут же поднялась, подошла и стала обнюхивать меня. Откуда здесь могла взяться собака? Позвонив, я попросила Ли принести свечи, а заодно спросила:

– Откуда эта собака?

– Она прибежала за хозяином.

– За кем?

– За хозяином, за мистером Рочестером. Он только что приехал.

– Неужели? И миссис Фэйрфакс с ним?

– Да, и мисс Адель. Они все в столовой, а Джона послали за врачом. С хозяином случилось несчастье: его лошадь упала, и он вывихнул себе ногу.

– Лошадь упала на дороге в Хэй?

– Да, когда он спускался с холма. Она поскользнулась на обледенелой тропе.

– Да?... Принесите мне, пожалуйста, свечи, Ли.

Ли принесла свечи, следом за ней вошла миссис Фэйрфакс. Она рассказала мне то же самое, добавив, что врач уже здесь и осматривает мистера Рочестера. Затем она распорядилась относительно чая, а я поднялась наверх, чтобы переодеться.

Глава XIII

По рекомендации врача мистер Рочестер в тот вечер лег рано, а на следующее утро встал поздно. Как только он проснулся, в доме сразу же все задвигалось и завертелось. Начались бесконечные визиты: приходили арендаторы, управляющий, – мистер Рочестер практически непрерывно кого-то принимал, заняв для этих целей библиотеку. Нам с Адель выделили другую комнату, куда перенесли глобус и учебники.

В тот день с Адель нелегко было заниматься. Она то и дело выбегала из комнаты, высматривая мистера Рочестера. В конце концов, мне это надоело, и я приказала ей сидеть смирно и никуда не выходить. Однако она постоянно отвлекалась от занятий и продолжала болтать о монсеньере Эдуарде Фэйрфакс Рочестере, как она его называла, строя догадки о подарках, которые он ей мог привезти.

– У него и для вас наверняка найдется подарок, мадемуазель. Он о вас спрашивал. Говорит: «Это такая маленькая, тоненькая и бледненькая мисс?» Я сказала, что так оно и есть. Верно, мадемуазель?

Обедали мы без мистера Рочестера в комнате мисс Фэйрфакс. К вечеру пошел снег, и мы остались в классной комнате. Судя по тому, что звонки прекратились, хозяин дома уже освободился.

Наше занятие закончилось, и я разрешила Адель вернуться к своей няне.

Оставшись одна, я подошла к окну, но ничего не было видно – падающий снег образовал сплошную белую пелену, и на меня нахлынули грустные мысли, которые, впрочем, не успели овладеть мной, потому что в комнату вошла миссис Фэйрфакс.

– Мистер Рочестер просит вас прийти с вашей ученицей сегодня вечером пить чай в гостиную, – сказала она. – Он сожалеет, что не мог пригласить вас к себе раньше, так как был занят.

– В котором часу будет чай? – поинтересовалась я.

– В шесть. Здесь наш хозяин ведет правильный образ жизни. Будет лучше, если вы переоденетесь сейчас же, – заметила старушка. – Я пойду и помогу вам.

– Разве нужно переодеваться?

– Да, необходимо. Я всегда к вечеру переодеваюсь, когда мистер Рочестер дома.

Эта церемонность несколько удивила меня, но возражать я не стала и пошла к себе в комнату переодеваться. Там я сменила черное шерстяное на черное шелковое платье. Это было мое лучшее платье, если не считать светло-серого, которое, по моим провинциальным представлениям о нарядах, я считала слишком торжественным.

– Не хватает брошки, – сказала миссис Фэйрфакс.

У меня было единственное украшение – жемчужная брошка, подаренная мне мисс Темпль. Я чувствовала себя смущенной столь официальным приглашением, поэтому спряталась за мисс Фэйрфакс, когда мы вошли в гостиную.

Комната была ярко освещена свечами, у камина растянулся Пилот, рядом с ним, стоя на коленях, возилась Адель. На кушетке, полулежа, расположился мистер Рочестер. Я тотчас узнала в нем моего вчерашнего знакомого. У него был резко очерченный нос, раздувающиеся ноздри, – вообще он производил впечатление человека упрямого и угрюмого. По-моему, он сделал вид, что не заметил нашего появления.

– Это мисс Эйр, сэр, – спокойно сказала миссис Фэйрфакс.

Он поклонился, по-прежнему глядя на ребенка и собаку.

– Садитесь, мисс Эйр, – предложил он, хотя всем своим видом показывал, что ему нет никакого дела до того, есть ли здесь какая-то мисс Эйр или нет.

Своеобразная манера общения мистера Рочестера снимала с меня всякие обязательства быть любезной ему в ответ. Я села, и мое смущение исчезло. Мне даже стало интересно, как он будет вести себя дальше. А вел он себя совсем как бревно, – не говорил и не двигался. Миссис Фэйрфакс попыталась начать беседу, но лишь услышала:

– Сударыня, я хотел бы чашку чая.

Ли не медля принесла чайный прибор и принялась расставлять чашки. Мы с Адель перешли к столу, хозяин же по-прежнему не двигался.

– Будьте так любезны, передайте мистери Рочестери его чашку, – попросила меня миссис Фэйрфакс, – боюсь, что Адель прольёт чай.

Адель же, видимо, решила, что настал момент напомнить мистери Рочестери о подарках.

– Мсье, вы, наверняка, привезли подарки и для мисс Эйр?

– Подарки? Какие подарки? – гневно спросил он. – Вы разве ожидали подарки, мисс Эйр? Вам нравится получать подарки? – и он внимательно посмотрел на меня своими колючими глазами.

– Не знаю, что и ответить, сэр. В этом отношении у меня мало опыта, но вообще считается, что получать подарки довольно приятно.

– Вообще считается? А вы сами что думаете?

– Мне трудно ответить. Во всяком случае подарки бывают разные, сэр.

– А вы не такая уж и простушка, мисс Эйр. Адель вот напрямую требует подарка, а вы – исподволь.

– У неё, видимо, больше оснований так себя вести. Я же пока не сделала ничего такого, что требовало бы благодарности.

– Ах, вы еще и чрезвычайно скромны, мисс? Кстати, я проэкзаменовал Адель и нашел, что вы добились немалых успехов. Это тем более удивительно, потому что сама Адель не обладает никакими особыми талантами и способностями. – Вот вы мне и сделали подарок, сэр. Благодарю Вас.

– Гм... – мистер Рочестер не нашелся, что ответить, и стал молча пить чай.

После чая хозяин попросил подойти меня к окну, Адель же было приказано играть с собакой.

– Вы уже три месяца в моем доме?

– Да, сэр.

– Вы приехали из...?

– Из Ловудской школы в... ширском графстве.

– А, из приюта! Сколько вы там пробыли?

– Восемь лет.

– Восемь лет! Да, вы достаточно живучи, мисс. Думаю, что и за более короткий срок в том учреждении можно было подорвать свое здоровье. То-то вы мне напомнили вчера на дороге фею из сказки, которая навела порчу на моего коня. Признаться, я и сейчас нахожусь под тем же впечатлением. Ваши родители живы?

– У меня нет родителей, сэр.

– Думаю, никогда и не было? Вы их помните?

– Нет.

– Я так и думал. Что ж, – продолжал мистер Рочестер, – значит, у вас должны быть тети и дяди, братья, сестры?

– У меня никого нет, сэр.

– А где ваш дом?

– У меня нет дома.

– Кто же надоумил Вас приехать сюда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.